Цена 15 коп.

Индекс 73755

КРОССВОРД

По горизонтали: **6.** Неучастие в войне, отказ от участия в военных блоках. **9.** Озеро в Карелии. **10.** Французский писатель и общественный деятель. **12.** Коралловый остров. **14.** Фруктовое дерево. **17.** Длинная трость. **18.** Прибор для копирования чертежей в измененном масштабе. **19.** Сигнальный щит для информации о состоянии контролируемых объектов. **21.** Стихотворная форма. **22.** Минерал, разновидность халцедона. **23.** Драгоценный камень. **25.** Философская дисциплина, изучающая мораль, нравственность. **27.** Магнитный сплав. **29.** Русский живописец, передвижник. **30.** Промысловая рыба. **31.** Простейшее грузозахватное приспособление. **33.** Правило, норма. **36.** Герой повести Н. Носова. **37.** Тонкая насмешка, выраженная в скрытой форме. **38.** Вид парусного спорта.

По вертикали: **1.** Персонаж сказки Х.-К. Андерсена. **2.** Вертикальная плита с надписью или рельефным изображением. **3.** Советский композитор, автор оперы «Тарас Шевченко». **4.** Завершение, заключение. **5.** Экваториальное созвездие. **7.** Воинское звание. **8.** Металл. **11.** Способы украшения вокальных и инструментальных мелодий. **13.** Теплообменник в холодильной или тепловой установке. **15.** Певчая птичка. **16.** Съедобный гриб. **20.** Добыча диких зверей и птиц. **21.** Спортивные соревнования на серийных автомобилях, мотоциклах. **24.** Прибор для определения расстояния. **26.** Стихотворение А. С. Пушкина. **28.** Водяная крыса. **32.** Столица азиатского государства. **33.** Строительный камень в форме параллелепипеда. **34.** Персонаж греческой мифологии. **35.** Лирическая песня у румын и молдован.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА И РЕДАКЦИИ:
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.
Телефон редакции: 928-97-42

ISSN 0234—1824

ГОРИЗОНТ

8 • 90 Общественно-политический ежемесячник

ГРЕХИ МОЛОДОСТИ

РАЗДУМЬЯ О МНОГОПАРТИЙНОСТИ

Вернисаж Игоря Смирнова

ПОЧЕМУ «БЕЗРАБОТНА» СТАТЬЯ ЗАКОНА

Проза Юрия ГАЛАНСКОВА

На внутренних сторонах обложки и вкладке — работы известного художника ИГОРЯ СМИРНОВА.

8 (477) •90 **ГОРИЗОНТ**

Общественно-политический ежемесячник

Сдано в набор 28.06.90. Подписано к печати 31.07.90. Л23117. Формат 84×108 1/32. Бумага газетная. Гарнитуры «Литературная» и «Журнально - рубленая». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,57. Усл. кр.-отт. 4,62. Уч.-изд. л. 5,16. Тираж 100 000 экз. Заказ 996. Цена 15 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Г 0302020800—100 / М172(03)—90 Без объявл.

СОДЕРЖАНИЕ

На вкладке: вернисаж Игоря Смирнова.

Илья Раскин

И ЧТО ЖЕ ТОГДА?

Не так давно «Литературная газета» провела дискуссию «К какой системе принадлежат США?». В ходе полемики было высказано немало интересного, но в целом впечатление от нее довольно странное: участники спора постоянно сбивались на разговор о совсем другом предмете. Что это за предмет — догадаться нетрудно. Ведь интерес к объявленной теме дискуссии, при всей его искренности, довольно академический — к какой бы системе США ни принадлежали, американцы сами решат, как с этим быть и как им жить дальше. К какой системе МЫ принадлежим — вот это вопрос для нас не праздный. О том, что ответ на него совсем не очевиден, свидетельствует хотя бы недоуменный пассаж проректора МИНХа В. Федорова: «Обернемся на себя и спросим: кто мы такие и куда относимся с научной точки зрения? Конечно же не к системе капитализма. Но ведь назвать окружающую нас действительность социализмом просто стыдно — и что же тогда?»

В приведенной цитате много замечательного. «Конечно же не...» А почему, собственно, «конечно же...»? Историки науки знают, насколько коварны утверждения, начинающиеся со слов «известно, что...», «очевидно, что...», «конечно же...». Совсем не очевидно. «Назвать... просто стыдно». Тоже интересный аргумент. Многим, как мы знаем, вовсе не стыдно. Я не хочу сказать, что этот аргумент совсем лишен смысла — я, скажем, его вполне понимаю. Но для «научной точки зрения» такой аргумент явно недостаточен. «И что же тогда?»

Сегодня вести серьезные разговоры на тему о социализме, капитализме и т. д., особенно применительно к нам самим, исключительно трудно. В частности, потому, что теоретические термины, употребляемые в таких дискуссиях (капитализм, социализм, эксплуатация, частная и общественная собственность, классы и др.), для подавляющего большинства спорящих отнюдь не являются понятиями с точным научным значением — их зачастую употребляют настолько превратно, случайно и неосмысленно, что просто уши вянут и руки опускаются,— где уж тут до чего-то договориться... Истоки этого понятны — в свое время теоретическое обществоведение (только-только зарождавшееся в нашей стране) было сначала поставлено на службу задачам пропаганды и агитации, а потом и попросту задушено, ликвидировано «как класс», растворено в системе агитации и пропаганды практически без остатка. Ликвидацию теории мало кто заметил — ведь термины, слова остались те же, что и в исчезнувшей науке. Откуда людям знать, что в науке эти слова обозначают **понятия** (т. е. требуют **понимания**), в пропаганде же понятия вовсе не обязательны и даже мешают — здесь те же термины произносятся с целью кого-то воодушевить, мобилизовать, призвать, заклеймить, вызвать гнев и благоговение... Зачем при этом что-то понимать? Здесь нужны не понятия, а жупелы, фетиши, ярлыки, лозунги, заклинания. Но слова-то все те же! И у людей крепко держится иллюзия того, что они что-то понимают, раз им эти слова известны. И эмоции, эмоции... А иногда и без эмоций, солидно и серьезно. Подчас такие дискуссии производят впечатление какого-то дурного сна.

Представьте себе: в лютый холод, по пояс в сугробах сидят люди (солидные, представительные мужчины) и очень серьезно обсуждают вопрос: можно ли в наших условиях официально допустить приход зимы, не противоречит ли зима нашим знойным идеалам и убеждениям? После долгих дискуссий нас заверяют: нет, товарищи, зимы не будет, не беспокойтесь. Придется, правда, допустить временное падение температуры ниже 0°, но о зиме и речи не может быть — это наша, особая форма лета! А то, в чем мы сидим, белое, это так, сахар. Видите, сколько его? Скоро отменим талоны.

Все это было бы смешно, если бы не было так... страшно. Ибо именно с такой степенью понимания не только обсуждаются, но нередко и решаются насущные вопросы жизни страны.

Дискуссию эту, про зиму, я не придумал (кто же такое придумает). Я ее наблюдал по телевизору — только замените «зиму» на «частную собственность». Тема эта принципиальная — и в связи с обсуждаемым законопроектом, и в связи с вопросом, к какой системе мы принадлежим. Обычно эта тема трактуется так: можно допустить у нас частную собственность или не можно, и если да, то как, насколько и не «противоречит» ли это? Ясно, что так ставить вопрос можно лишь при убеждении в том, что, во-первых, у нас частной собственности **нет** и, во-вторых, что в нашей воле, ее допустить или не допустить. Убеждение сие весьма почтенно, но осмелюсь утверждать, что теоретический его горизонт находится на уровне Мальчиша-Кибальчиша. Герой он, конечно, симпатичный, но в наше время уже нельзя думать, будто частная собственность — это когда богатый, толстый, гадкий дядька ест печенье с вареньем. И что для ликвидации частной собственности достаточно варенье разделить, а из жирного пуза выпустить кишки.

Но — давайте серьезно. Сейчас стало модным говорить, что, мол, чего это мы зациклились на Марксе с Энгельсом, они вон когда жили. Откуда им было знать про XX век, тут все не так. Оставим старичков в покое, мы сами с усами. То есть почитаем Карнеги, посмотрим Кашпировского, причастимся Святых тайн, помедитируем, составим гороскоп,— вот тут то все и поймем. Не Гегеля же читать, в самом деле, экое занудство. А не поймем — пришельцы с тарелок просветят, они умные, куда до них Марксу с Гегелем.

Ну а мне-то что делать, я вот марксист. Правда, это слово нужно долго комментировать — ведь теперь сколько марксистов, столько и марксизмов, но все же хоть какая-то определенность авторской позиции. Кстати, я прекрасно знаю, что в наследии классиков противоречий и недоразумений более чем достаточно. Тем не менее пришлось убедиться в том, что Маркс предусмотрел гораздо больше, чем это кажется многим нашим «прогрессистам». К тому же думаю, что стремление похоронить Маркса, ограничить его значение XIX веком нередко объясняется не только невежеством и безграмотным его прочтением, но и вполне осознанным корыстным интересом — слишком уж опасен грамотный марксизм для того, что именуется командно-административной системой. Нам бы какую поспокойнее теорию, чтоб научила, как бы все изменить и чтобы ничего не менять.

Итак, частная собственность. В подавляющем большинстве дискуссий на эту тему речь идет не о **самой собственности,** а о праве собственности, что далеко не одно и то же, и путаница эта далеко не безобидна. Что же такое сама собственность? При ответе на этот вопрос мне придется напоминать некоторым азы марксизма (в виде цитат, уж извините), но что же поделаешь, если эти азы сегодня известны гораздо меньше, чем, скажем, «Тайная доктрина» Е. Блаватской...

«...Разделение труда и частная собственность, это — тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом — по отношению к продукту деятельности». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 31.)

Общественное разделение труда — это сфера **экономики**, производства материальных условий жизни. Частная собственность есть иное наименование **частичной деятельности**, той деятельности, которая совершается людьми как «экономическими персонажами» (классовыми индивидами) в системе общественного разделения труда. Господство над человеческой жизнью экономики, общественного разделения труда — это и есть господство частной собственности, как бы она ни была юридически оформлена и как бы при этом ни называлась. В «экономике» никакой собственности, кроме частной, просто **не бывает и быть не может** — это, как говорится, нотабене. Государственная собственность — частная (не общественная!). Кооперативная — частная. Собственность трудовых коллективов — частная. Личная собственность (на средства производства) — ясное дело, частная. Невозможно преодолеть частную собственность, не преодолев частичную деятельность (которая только и возможна в «экономике»), ту деятельность, которую Маркс называл **трудом**: «труд» есть живая основа частной собственности, частная собственность как творческий источник самой себя. Частная собственность есть не что иное, как **овеществленный** труд. Если частной собственности хотят нанести смертельный удар, то нужно повести наступление на частную собственность не только как на **вещественное состояние**, но и как на **деятельность**, как на **труд**. Одно из величайших недоразумений — говорить о свободном, человеческом, общественном труде, о труде без частной собственности. Труд по своей сущности есть несвободная, нечеловеческая, необщественная, обусловленная частной собственностью и создающая частную собственность деятельность. Таким образом, упразднение частной собственности становится действительностью только тогда, когда оно понимается как упразднение «труда»... Поэтому некая «организация труда» есть противоречие. **Той** наилучшей организацией, которую может получить труд, является его теперешняя организация, свободная конкуренция, разложение всех его прежних мнимо «общественных» организаций». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 241—242.)

Всякий, конечно, волен не соглашаться с Марксом, но, во всяком случае, не следует делать вид, что подобные взгляды с марксизмом несовместимы. Сегодня мы постоянно слышим: «Экономика, товарищи, определяет». В переводе на марксистский язык это значит: «Господствует, товарищи, частная собственность». Поэтому дискуссии о том, допускать или не допускать частную собственность, теоретического смысла лишены начисто (так же, скажем, как вопрос, допускать ли действие закона всемирного тяготения). Политический же смысл эти разговоры имеют вполне определенный — об этом дальше.

Обязательным атрибутом, спутником частной собственности является эксплуатация. Традиционное противопоставление «нас» (социализм) «им» (капитализм) основано на утверждении: у них — эксплуатация, у нас — нет. Сегодня, кажется, уже всем, включая козу и ежа (исключая Нину Андрееву), понятно, что эксплуатация у нас есть. И не просто есть, а такая, что куда им до нас. По сравнению с развитыми странами степень эксплуатации трудящихся у нас выше не на N %, а в N раз. Этот факт фиксируется совершенно объективно точными экономическими методами, что неоднократно было заявлено даже в официальной печати. Но сделать из этого факта все надлежащие выводы, оказывается, как правило, слабо — язык не поворачивается, бумага не выдерживает. Для ответа на вопрос, к какой системе мы принадлежим, необходимо выяснить: кто эксплуатирует, кого и каким образом?

Сейчас трудящихся нередко пугают: вот, мол, введут частную собственность, появятся эксплуататоры, вы на них ишачить будете. За что боролись?! Насколько могу судить, трудящихся такая перспектива далеко не всегда пугает: и так, мол, ишачим, нам не привыкать. Буржуи хоть платят по-человечески.

На кого же сейчас ишачим? Ответ прост, как репа,— на государство. Дальше начинаются недоразумения: ведь государство — это не «кто», а «что», а вот **на кого**? Зафиксируем проблему и подойдем с другой стороны: каковы основные **формы** эксплуатации? Здесь сразу отметим: экономика нашей страны является, в согласии с традицией, многоукладной. Основные эти уклады сложились где-то в тридцатые годы и в общем и целом остаются, по существу, теми же. Во-первых — сфера неприкрытого внеэкономического принуждения, более всего напоминающая рабство. Первоначально — это колоссальный ГУЛАГ. Сегодня — тот же ГУЛАГ, хотя и значительно меньше, и мягче, и контингент не тот, но экономическая суть неизменна. Принудительный, практически не оплачиваемый, малоквалифицированный, малопроизводительный труд. Сюда же примыкает систематическое использование труда солдат. Понятно, что столь первобытная эксплуатация труда **миллионов** граждан имеет целью заткнуть дыры в экономике, поддержать ее на плаву. Правда, спасательный этот круг — чугунный, и думаю, что пока наша экономика зависит от труда зеков и солдат, все попытки ее реформировать будут заведомыми полумерами. Кто же здесь является, условно говоря, «рабовладельцем»? Конечно, все то же государство. Опять же, не «кто», а «что».

Далее, есть уклад с явственными чертами феодализма. Он в значительной мере «размыт» — так, паспортная система охватывает всех, но есть в экономике зоны, где эти черты более видны. На протяжении долгих лет такой зоной были в первую очередь колхозы. Кстати, говоря о коллективизации, необходимо помнить, что обобществление земельных наделов, скота и инвентаря отнюдь не было ее сутью, оно лишь обеспечивало главную цель — превращение в государственную собственность **самих крестьян** (а не коров). С возвращением колхозникам паспортов, их пенсионным обеспечением и т. д. колхозы фактически стали неотличимы по форме собственности от государственных предприятий. Теперь рецидивы феодализма в большей степени живут в городах — это многообразные (по отраслям и регионам) формы прикрепления («крепости») работников к рабочему месту (лимитчики и т. д.). Наиболее острым «крючком» здесь выступает жилье (а не зарплата). Крепостником выступает опять же государство, часто в лице его территориальных и производственных органов управления.

И наконец, основной уклад — работа по найму, компенсируемая зарплатой. (Кстати, в дискуссиях об экономических реформах нередко обсуждается вопрос: допустим ли у нас наемный труд? Удивительно, но факт. Похоже, что люди, всерьез обсуждающие этот вопрос, зарплату не получают и даже не подозревают, на что живет подавляющее большинство населения страны.)

Казалось бы, здесь все по «Капиталу»: есть, с одной стороны, собственник средств производства, работодатель (государство) и с другой стороны — лишенный этих средств гражданин, вынужденный наниматься. Классическая модель буржуазных отношений, однако, деформиро-

вала лошадиной дозой внеэкономического принуждения. Это, во-первых, труд как **обязанность** (в противоположность **праву**) — не наниматься гражданин не может, так как иначе будет привлечен к труду в другом укладе; и во-вторых, отсутствие **реального** рынка рабочей силы: ведь рынок — это то место, где торгуются, а у нас торг до сих пор считается неуместным; рабочую силу продают за столько, за сколько государство соизволит ее купить (ставки, оклады и т. д.). Почему у нас рабочая сила, известно, дешевле грибов. Впрочем, как писал Маркс, «насильственное повышение заработной платы (не говоря уже о всех прочих трудностях, не говоря уже о том, что такое повышение, как аномалию, можно было бы сохранять тоже только насильственно) было бы... не более чем **лучшей оплатой раба** и не завоевало бы ни рабочему, ни труду их человеческого назначения и достоинства... Заработная плата есть непосредственное следствие отчужденного труда, а отчужденный труд есть непосредственная причина частной собственности. Поэтому с падением одной стороны должна пасть и другая». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 42. С. 97—98.)

Еще есть уклад теневой экономики. Он наполовину сплетен с легальным хозяйством, наполовину — с уголовщиной, но здесь речь не об этом, а о том, что в нем фигурируют практически те же формы эксплуатации — наемный труд с зарплатой и некоторые элементы (часто «специфические») внеэкономического принуждения (я говорю не о «заправилах» и «воротилах», а о тех, на чьем труде они наживаются). Существенно то, что официальное признание наличия у нас частной собственности и эксплуатации, как правило, имеет в виду именно теневую экономику, но при этом не замечается «слон» — частная собственность в основных секторах и укладах.

Причины такого умолчания достаточно очевидны, что же касается природы «слона», то здесь есть проблемы. Первая: возможно ли приведение всего многообразия этих укладов к какому-то общему формационному знаменателю, стоит ли за этим некая единая форма собственности? Каких только уже не приходилось встречать характеристик нашей экономики: и азиатский способ производства, и государственный феодализм, и всеобщее «поденщичество» (т. е. наемный труд, капитализм). И ведь все эти характеристики отражают некую реальность, все они похожи на правду. Но, с другой стороны, все они чего-то не ухватывают, в чем-то неадекватны. Может быть, наш строй и в самом деле нечто настолько в истории уникальное и ни на что не похожее, что этому даже и названия нет в словарях имеющихся теорий?

Вторая проблема: как все-таки быть с тем, что частная **собственность** (как ее понимал Маркс) у нас есть, а **собственника** вроде бы и нет? Ведь очевидный и несомненный собственник — государство — это, опять же, не «кто», а «что» («аппарат», «машина» и т. п.). Если есть частная собственность, то где сам частник, где он, этот враг? Или собственность у нас в самом деле «ничья»? Может, кто-то все же прикидывается «никем», пустым местом, мимикрирует под пустоту, чтобы не заметили?

Кому-то это, наверное, покажется неожиданным, но ответ на эти вопросы имеется у Маркса. Искомый персонаж давно известен и носит знаменитое имя — КАПИТАЛ. Как, возразят, но ведь мы ищем собственника, а таковым может быть капиталист, а не капитал! Ведь капитал — это **собственность капиталиста**, а не сам собственник! Да и сам-то капитал — это тоже «что», а не «кто», а мы ведь ищем именно лицо, личность!

Думаю, что приведенные выше возражения при всей их, казалось

бы, резонности свидетельствуют как раз о принципиальном непонимании марксизма. Одна из величайших его заслуг — раскрытие механизма **обезличивания человека**, превращения его из личности в безликий и неуловимый фантом, лишенный даже собственного Я. И именно **капитал** как раз и есть **сила всеобщего обезличивания**, действующая **за людей** (хотя и через людей), превращающая людей в своих марионеток, «винтиков» (золотых и железных). Обезличивание касается отнюдь не только эксплуатируемых трудящихся, выступающих как «класс», «массы», «рабочая сила», «трудовые ресурсы», «винтики», «человеческий фактор» и т. д. В еще большей степени обезличивание касается тех, кто стоит «у руля», выполняя анонимную и безымянную «волю» капитала: здесь безликость, серость, ничтожество являются первейшим условием успешного «функционирования». Здесь вместо личностей функционируют **личины**, за которыми — зловещая пустота.

Тут мне будут возражать: вот, мол, сколько мы знаем ярких личностей среди капиталистов. Да, действительно, но я не о том. А вот о чем: капитал капиталу рознь. Знакомый нам по истории зарубежных стран и по дореволюционной истории России капитал (который непременно ассоциируется с персоной капиталиста) — это капитал, нигде и никогда не достигавший предела своих стремлений — уровня полной, тотальной монополизации. Стихия обезличивания присуща капиталу изначально, но эта стихия сдерживается в условиях раздробленности капиталов, монополизация же смывает плотины, стоящие на пути этой всеразрушительной стихии. Капитал везде и постоянно стремится к монополизации, но везде, где есть грамотные «буржуи» и зарубежные политики, давно осознан (кстати, не без помощи марксизма) непреложный факт: тотальная монополизация принципиально недопустима, ибо ведет к стагнации, разложению и загниванию, к экономическому и политическому коллапсу. **Именно этот эксперимент и был проделан в нашей стране.** Сегодня часто приходится слышать: вот, мол, классики предсказывали капитализму загнивание и кризис, а где оно, загнивание? Как — где, вы что, товарищи, ослепли? Это ли не кризис и загнивание?

Преобладавшее среди большевиков вульгарное понимание марксизма (равное его вульгарному непониманию), неспособность разобраться в диалектике весьма непростых философских и экономических категорий (абстрактный и конкретный труд, совместный и всеобщий труд, отчуждение и овеществление, личность и обезличенность, вещь, функция и отношение, субъект и субстанция и т. д. плюс к этому массовая потребность в зримом «образе врага» привели к фатальному исходу: **был ликвидирован не тот враг.** Ликвидировали **капиталиста** (во всяком случае, так казалось), в то время как действительным врагом был **капитал.** Существенная же особенность капитала в том, что **образа он не имеет,** и все образы, в которых он выступает,— всего лишь личины: сорвешь личину, а за ней пустота — опять ускользнул. И ведь мало того, что ускользнул, но тут же появился за спиной самого ниспровергателя, помыкая им потихонечку! Старая история — вместо того, чтобы бороться с дьяволом, борятся с грешниками, а дьявол тут как тут: с ним нужно бороться прежде всего в самом себе.

Обыденное представление, согласно которому капитал есть всего лишь достояние капиталиста, которым он вертит, как хочет, содержит, конечно, в себе некоторое зерно истины, но, по существу, оно глубоко неверно. Если поначалу капитал (особенно мелкий) представляется действительно орудием капиталиста, то по мере роста его мощи и массы выясняется, что по существу-то отношение обратное. Функции субъекта, человека, во все большей степени прибирает к рукам безликая и безы-

мянная сила, а сам капиталист оказывается во все большей степени подручным, слугой, личиной, органом и функцией этой силы, капитала. «Капиталист как капиталист есть всего лишь персонификация капитала — наделенное собственной волей и обликом личности порождение труда в противоположность труду». (Marx K. Theorien über den Mehrwert. T. 3. S. 293. Цит. по: Проблема человека в современной философии. М., 1969. С. 119.) Вот эту «всего лишь персонификацию», этого слугу и ликвидировали. Что и говорить, слуга действительно был зачастую малосимпатичным. Но зато и потешился же капитал над промахнувшимися революционерами — сколько ее, лагерной пыли? Научиться бы нам чему-нибудь на этой трагедии, но, похоже, опять замахиваемся на «капиталиста». «За что боролись?!»

Капитал не вещь, его не экспроприируешь. Он не человек — в лагерь не посадишь. Капитал характеризует определенное строение процесса производства, труда; такое его строение, при котором живой труд расходуется в первую очередь на увеличение массы накопленного труда, а это накопление имеет единственной целью расширение потребления живого труда. Иначе говоря, капитал означает **расширенное самопожирание труда**, экономику самоедства. Поскольку же труд всегда имеет дело с каким-то природным материалом, поскольку капитал — это и расширенное пожирание природы. Капитал — это безудержная **утилизация всего** — людей, труда, природы, не имеющая никаких разумных границ и способная привести лишь к всеобщему краху при полном истощении всего — людей, труда, природы. Или, иначе: капитал — это **производство для производства.** Нужно ли объяснять, что речь идет именно о нашей экономике?

«Капитализм — это и есть производство ради производства, и есть грандиозная машина, превратившаяся в самоцель, а человека превратившая в средство, в сырье производства и воспроизводства своего ненасытного организма. Эта грандиозная машина, состоящая из миллионов частичных машин, вышла из-под контроля человеческого разума и воли, она стала умнее и могущественней, чем любой отдельный человеческий индивидуум, играющий в ней незавидную роль винтика.

И свою власть эта «большая машина» осуществляет с помощью своих «дочерних систем» — с помощью государственно-бюрократической машины, с помощью военной машины, с помощью полицейского аппарата, машины голосования и т. д. и т. п.

И это вовсе не игра словами. Бюрократическая или военная машина — это машины в совершенно буквальном, а вовсе не фигуральном смысле этого слова. Все это — системы, работающие по строго заштампованным алгоритмам, преследующие строго запрограммированные в них цели, и такие же бездушные, как любая мясорубка. А белковое вещество человеческого мозга играет в их устройстве роль частичной детали, обеспечивающей им «самопознание». (Арсеньев А. С., Ильенков Э. В., Давыдов В. В. Машина и человек, кибернетика и философия. В кн.: Ленинская теория отражения и современная наука. М., 1966. С. 277—278.)

Безобразные пропорции нашего производства, производящего металл, чтобы добывать уголь, чтобы добывать энергию, чтобы добывать руду, чтобы добывать металл... и т. д.,— это отнюдь не только и не столько безграмотность плановиков и ошибки политиков (хотя и последнее имеет место). Все это безумие — закономерный и естественный способ функционирования капитала.

Совершенно напрасно кивают на Запад, говоря, что вот, мол, капитализм-то эффективнее! ЭФФЕКТИВНЕЕ ЧЕГО? Дело просто в том, что нигде на Западе нет такой тотальной, свинцовой, беспросветной власти капитала, как у нас. Наша система показывает, что такое капитал, можно сказать, образцово, в химически чистом виде. Здесь многих сбивает с толку наличие у нас множества признаков добуржуазного общества — от неолита до феодализма. Мы привыкли думать, что капитализм все это ликвидирует. Опять же — капитал капиталу рознь. Капитал на прогрессивной, продуктивной стадии своего развития — да, ликвидирует. Но если дать капиталу волю и ничем не сдерживать его тенденцию к монополизации, то он покажет... то, что он нам всем показал. Победив (руками революционеров) свою раздробленность, «схлопнувшись» в одну общегосударственную монополию, он возродил (уже на своей, **капиталистической основе**) **все** известные человечеству способы эксплуатации, включая давно забытую архаику. На этой маразматической стадии своего развития капитал легко «впадает в детство» человечества и демонстрирует изумленным наблюдателям то империю инков, то Древний Египет, то крепостное право... Именно поэтому страны с неразвитой экономикой, отсталые, архаичные, но собирающиеся строить по нашему примеру «социализм», с необычайной легкостью перескакивают через период продуктивной, цивилизаторской работы капитала и попадают прямиком в его бесславный конец — примеры таких «революционно»-архаических экономик и режимов многообразны (вплоть до сращения «производства ради производства» с натуральным людоедством в полпотовской Кампучии). Капитал, можно сказать, подытоживает, суммирует эксплуататорскую историю человечества, именно поэтому победа над капиталом — это победа над **всякой** эксплуатацией.

Капитал всеяден, он не брезгует ничем — ни рабством, ни феодальной «крепостью», ни священным для нас «планированием». Чем, объясните, отличается эксплуатация, подверженная рыночным случайностям, от эксплуатации, сверстанной Госпланом по пятилеткам? При чем тут марксизм и социализм?

Вывески нас путают и смущают? Это, извините, несерьезно. Все знают, что если написано «Мясо», то это еще ничего не значит. А если написано «Социализм»? И кстати, вовсе не классики марксизма эту вывеску вешали, они за нашу безграмотность ответственности не несут. Ведь писали же они, к примеру, следующее: «Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. **Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки».** (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 290. Подчеркнуто мной.— *И. Р.*) При этом «буржуазия оказывается излишним классом, все ее общественные функции выполняются теперь наемными служащими». (Там же. Т. 19. С. 229.) Или еще (о грубом «коммунизме», пытающемся упразднить отношение частной собственности); он «в его первой форме является лишь обобщением и завершением этого отношения... Категория **рабочего** не отменяется, а распространяется на всех людей; отношение частной собственности остается отношением всего общества к миру вещей... Этот коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, есть лишь *ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ЯВЛЯЮЩЕЙСЯ ЭТИМ ОТРИЦАНИЕМ*... Для такого рода коммунизма общность есть лишь общность **труда** и равен-

своей монопольной власти, в очередной раз делающие ставку на люмпенов от станка и от сохи (а то и от руля такси), с помощью которых они надеются сокрушить нарождающуюся в стране предпринимательскую активность. И перестройка экономических и политических отношений в стране висит буквально на «полозке», и, оборвется ли он, зависит как от правильного понимания большинством народа причин попадания нашего общества в катастрофический тупик, так и от того, с кем окажутся реальные «владельцы средств насилия»: прокуратура, армия, КГБ — будут ли они по-прежнему оберегать наше государство от «идейных диверсантов» или смогут переориентироваться на охрану прав гражданина, и в том числе его прав собственника, от посягательств как частных, так и государственных рэкетиров.

Как и в случае с частной собственностью, преимущества многопартийности можно ощутить путем прямого наблюдения «забугорной» политической жизни с ее цивилизованными формами передачи власти из рук в руки без насилия и сопротивления, мягким пересаживанием политических деятелей из кресел парламентариев в кресла директоров компаний или на собственные плантации земляных орехов (о чем могут только мечтать пока наши люмпены-депутаты и президенты), с действенной зависимостью политического курса от предпочтений избирателя. Но можно подкрепить эти наблюдения и умозрительными выкладками из общей теории систем или теории информации и убедительно показать, что монополия на истину, лежащая в основе однопартийности, неизбежно ведет к накоплению ошибочных и ущербных программ действия и соответствующего этим программам и осуществляющего их ущербного человеческого материала. Подобно тому как природа изобрела для биологических систем двуполое размножение, смысл которого сводится к возможности сопоставления двух генетических программ развития организма и за счет этого понижения вероятности закрепления ошибок в генетическом коде, социальные системы выработали многопартийность прежде всего как механизм контроля, снижающий вероятность злоупотребления властью и закрепления на длительное время ошибочного курса поведения системы. При отсутствии такого механизма современное сложное общественное устройство, находящееся в не менее сложном динамичном окружении, теряет способность разумно реагировать на внешние и внутренние перемены, приобретает дебильно-шизофренические черты. Преобладающим типом человека, отвечающим потребностям такого общества, становится угодничающий хам.

Наши люди едва ли в массе своей отправляются от такого рода теоретических схем, когда приходят к выводу о том, что однопартийная система и монополия на власть являются основной причиной наших трудностей. Им подсказывает это их здравый смысл и жизненный опыт, и уже 20% граждан страны видят источник неблагополучия именно в этом. Не укрываются от их взора и усилия тех, кто стремится во что бы то ни стало сохранить командную монополию, и 32% опрашиваемых заявляют, что главным тормозом на пути перестройки является борющийся за удержание своей власти аппарат. Наиболее решительные сторонники политического плюрализма — их около 14% — главный признак успешности перестройки видят в «свободном развитии разнообразных политических движений и партий». Таких демократов у нас, правда, пока значительно меньше, чем тех, кто удовлетворился бы и просто прилавками, наполненными продуктами (63%).

Однако все же хоть и косвенная, но связь между демократией и количеством и качеством штанов и помидоров не вовсе ускользает от

наших соотечественников. В целом по стране в наших опросах за многопартийную систему «голосуют» 52% опрошенных, при этом 34% из них безоговорочно; против же высказываются 28% опрошенных, из них 16% твердо. Именно это соотношение и отразилось в исторических решениях Съезда народных депутатов, отменивших 6-ю статью Конституции и признавших право на существование политических партий и объединений. Но это лишь средние цифры, а в нашей многоликой и уже расползающейся на части стране небесполезно посмотреть и откуда дуют те или иные демократические и антидемократические ветры. С легкостью можно обнаружить, например, что носителями консервативных настроений чаще выступают женщины. За многопартийную систему среди них выступает всего 43,5% по сравнению с 61% среди мужчин. Количество приверженцев многопартийности падает по мере снижения образовательного уровня, доходя у лиц с образованием ниже девяти классов до 31% (против 34,5%). Больше сторонников политического плюрализма в среде людей в возрасте от 16 до 49 лет, а дальше идет постепенный спад. Поровну на сторонников (36%) и противников (37%) многопартийности развалилось село.

При такой раскладке становится понятной база поддержки, которую находят своим взглядам консервативные идеологи типа Лигачева. И с ней определенно приходится считаться, как бы прискорбно это ни выглядело в глазах слишком нетерпеливых радикалов.

Еще выразительней различие в подходе к проблеме многопартийности предстает в свете данных по регионам и национальностям. Если в РСФСР соотношение сил приближается к среднему (48% — за, 31% — против), то в Латвии и Литве количество «плюралистов» среди коренных национальностей «зашкаливает» за 70%, а в целом по республикам, с учетом русского и других меньшинств, за 60%. Зато белорусы и молдаване делятся ровно пополам, на 40 и 40%. Все эти цифры находят живое подтверждение в тех несхожих между собой политических конфигурациях, которые складываются в последние месяцы в республиканской периферии Советского Союза.

Между тем, зафиксировав общее тяготение страны к многопартийности, следует обратить внимание и на тот факт, что реально существовавшие в стране в первой половине нынешнего года неформальные организации — народные фронты, фронты трудящихся, организации избирателей — не обрели еще в глазах населения качества полноценных политических партий, отвечающих их идеалу многопартийности. Лишь 3,4% респондентов заявляло о своем полном доверии новым политическим движениям и 10% о частичном; соответственно 25% выражало частичное и 36% полное недоверие. На этом фоне даже КПСС, чье положение на шкале доверия далеко не блестяще, выглядит, как говорят спортивные комментаторы, предпочтительнее. Ее показатели: суммарное доверие — 29% (8% + 21%), недоверие — 56% (30% + 26%).

Если сравнить показатели доверия и недоверия к неформалам и КПСС по группам населения, регионам и национальностям, становятся понятными результаты республиканских и местных выборов, где самым ярким образом проявилась разница в том, что касается степени недоверия. Так, в Москве и Ленинграде суммарное доверие и к КПСС, и к неформалам выражалось 14% респондентов, в показателях же недоверия неформалы получили явное преимущество — 64% против 79%. В результате была предопределена победа «Демократической России» на выборах в городские советы.

Результаты выборов в республиках Прибалтики, где соотношение

показателей недоверия выражается цифрами 48,5% против 80,5% в Латвии и 48% против 79% в Литве, также не могли вызывать сомнения. То же самое в Азербайджане, где это соотношение составляет 39% и 62%. В остальных республиках индекс недоверия работает в пользу КПСС: в РСФСР — 63% и 57%; в Белоруссии — 67% и 54%, в Молдавии — 72% и 58%. Особняком стоят среднеазиатские республики, где решало не недоверие, а, наоборот, высокие показатели доверия к КПСС: в Киргизии — 46% против 23% у неформалов, в Туркмении — 43% против 6%.

Если посмотреть те же данные применительно к социальным и возрастным группам, мы увидим, что недоверие к КПСС обгоняет недоверие к неформалам в группе от 16 до 24 лет (52% и 49%) и показатели выравниваются в группе от 25 до 39 лет (по 66%). Гораздо выше недоверие к партии у лиц с незаконченным высшим образованием (71,5% против 52%). Наибольший перевес в пользу партии имеет место в среде людей с образованием менее семь классов — 42% против 55%.

Из приведенных цифр явствует, что неформальные движения черпают наибольшую поддержку в среде студенчества, партия же сохраняет базу относительного доверия среди наименее образованных и пожилых слоев общества. Но база эта, если и не выражает, так сказать, перспективных направлений развития общества, то все равно достаточно многочисленна и влиятельна. Гораздо же более парадоксально, на наш взгляд, то обстоятельство, что в группе лиц с высшим образованием партия также пока имеет хоть и высокий, но меньший, чем у неформалов, индекс недоверия — 64% против 69%. Это говорит о том, что и для образованной части населения возникающие в стране «протопартии» не обладают пока достаточной привлекательностью и надежностью.

Разумеется, набираемый КПСС суммарный индекс доверия в 30% во многом определяется тем, что в настоящее время партия коммунистов фактически объединяет в себе несколько партий — партию Горбачева и Шеварднадзе и партию Полозкова, партию «Демократической платформы» и партию «Марксистской платформы». Раскол партии и образование на базе ее бывших членов нескольких самостоятельных партийных формирований представляются неизбежными в течение уже ближайших недель. Неотвратимое в результате поправения той ее части, которая сохранит прежнее название, возможно включив в себя в качестве автономных образований КПР, КПУ и Компартию Белоруссии, делает неопределенной и непредсказуемой судьбу «отцов — основателей» перестройки — Горбачева, Шеварднадзе, Яковлева. В условиях ставшей таким образом реальной, а не декларируемой или имитируемой многопартийности им придется, возможно, либо окончательно стать пленниками правых сил, либо пойти на разрыв с ними и образование чего-то вроде центристской партии демсоциализма или на превращение президентского совета в могущественный надпартийный орган власти, по крайней мере до следующих выборов через пять лет. На какие составляющие распадется к тому времени треть голосов, отдаваемых коммунистам, предсказать едва ли возможно. (Скорее всего: 15% — за правых, 35% — за центр, 20% — за левых, 30% — никакие.)

В настоящий же момент для прояснения настроений и симпатий людей к тем или иным политическим направлениям воспользуемся данными опроса, проведенного в январе 1990 года в Москве и Московской области. Они, по-видимому, достаточно характерны и могут быть в известной мере распространены на всю РСФСР. Во всяком случае, на вопрос о том, за какую партию голосовал бы респондент в случае, если бы у нас была многопартийная система, 30% ответили: «за коммунистическую», что в точности совпадает с индексом доверия для РСФСР, полученных в других опросах. А как распределились симпатии к другим предложенным партиям! Второе место заняла гипотетическая социал-демократическая партия с 23% голосов. На третье место с 17% поддержки вышла «зеленая» экологическая партия. Остальные предложенные респондентам воображаемые партии довольствовались малым. Христианско-демократическая и аграрно-крестьянская партии набрали по 5% голосов, национально-патриотическая — 3%, а либерально-буржуазная и вовсе 2,6%.

В этих результатах отчетливо видно, что социалистический выбор, применительно, естественно, не к Прибалтике, а к РСФСР, есть не миф и не анахронизм, и, какое бы раздражение ни вызывало настойчивое повторение этого словосочетания лидерами перестройки у меня или, возможно, у многих читателей этого журнала, отрезвляющий душ «холодных чисел» возвращает от сладких мечтаний о том, чтобы Россия как-то вдруг взяла бы и стала в одночасье Западом, к кислой реальности настойчивого и упрямого поиска своей самобытности с непременным стремлением удивить мир чем-нибудь эдаким.

Признаюсь, что многие годы обращенные к народу лозунги и призывы руководства КПСС к еще большему напряжению сил во имя светлого коммунистического будущего неизменно приводили мне на память сцену из «Золотого теленка», где Балаганов по наущению Паниковского пилит гирю в надежде обнаружить в ее сердцевине желанное золото. «Пилите, пилите, Шура»,— взывает Паниковский, давно уже понявший, что никакого золота там нет, и лишь стремящийся отсрочить неизбежный час расплаты. Но вот теперь, после того как не только наши публицисты-демократы, но и сами руководители, казалось бы, признали, что гиря — чугунная и, кроме бесполезных опилок, никакого иного сокровища ждать не приходится, делается немного жутко, когда 38% наших российских респондентов заявляют о своем положительном отношении к коммунизму и лишь 27% об отрицательном; с капитализмом же дело обстоит прямо противоположным образом: положительные эмоции он вызывает у 23,5% ответивших, отрицательное — у 39%. Наш Шура продолжает пилить уже перепиленную гирю. Правда, делает он это в высшей степени безалаберно и лениво, но, видно, надежда на светлое будущее в коммунистическом варианте его не покидает. Особенную привлекательность идея коммунизма сохраняет для людей старше 60 (50%) и моложе 20 лет (46%), для лиц с образованием ниже восьми классов (48%). Среди членов коммунистической партии ее исповедуют 51% и от нее отрекаются 18%. Приверженцев капитализма у нас больше всего среди учащейся молодежи — 53,8%.

Но самое большое число сторонников встречает лозунг демократического социализма — 57% при 6,4% против. И это естественно, как естественно всякое желание и невинность соблюсти, и капитал приобрести, но едва ли исполнимо, даже невзирая на столь большое число адептов. Ибо, как известно, победы достигаются не числом, а умением. Похоже, что лозунг демократического социализма становится последним прибежищем руководящих народом кадров в их стремлении найти замену умирающему вместе с пенсионерами коммунистическому идеалу, сохранив вместе с тем укутанный в демократические тряпицы стальной «изм», во имя которого народ еще немножко попилит не сулящий

ничего доброго чугунный снаряд. Недаром исповедуют этот лозунг ныне 75% членов КПСС (включая тех, кто готов стереть с лица земли все «огоньки» и «пятые колеса»), 72% руководителей предприятий и учреждений и иных начальников в ранге не менее полковника. У остального населения отношение к нему более прохладное, но все-таки средняя величина (57%) достаточно внушительна.

Подводя итоги, можно высказать предположение, что нарождающаяся в нашей стране, за вычетом Прибалтики и Закавказья, многопартийность будет представлять собой хоровод, а в худшем случае свалку ожесточенно борющихся между собой социалистических партий, отстаивающих каждая свое толкование неопределенного по своей природе понятия «социализм». И не приведи Господь, если в этом коловращении так и останутся нереализованными начинания по созданию рынка и собственности, то есть тех оснований, на которых только и может покоиться устойчивая демократическая система. Если этого не произойдет, нас может ожидать взятие власти единственно научной социалистической партией и притом с национально-шовинистическим душком, и еще во главе с генералом, который во имя консолидации всех здоровых сил сметет с политической арены остальных социалистов и поведет страну, а может быть, и весь мир к краю пропасти, не дающей шансов на выживание.

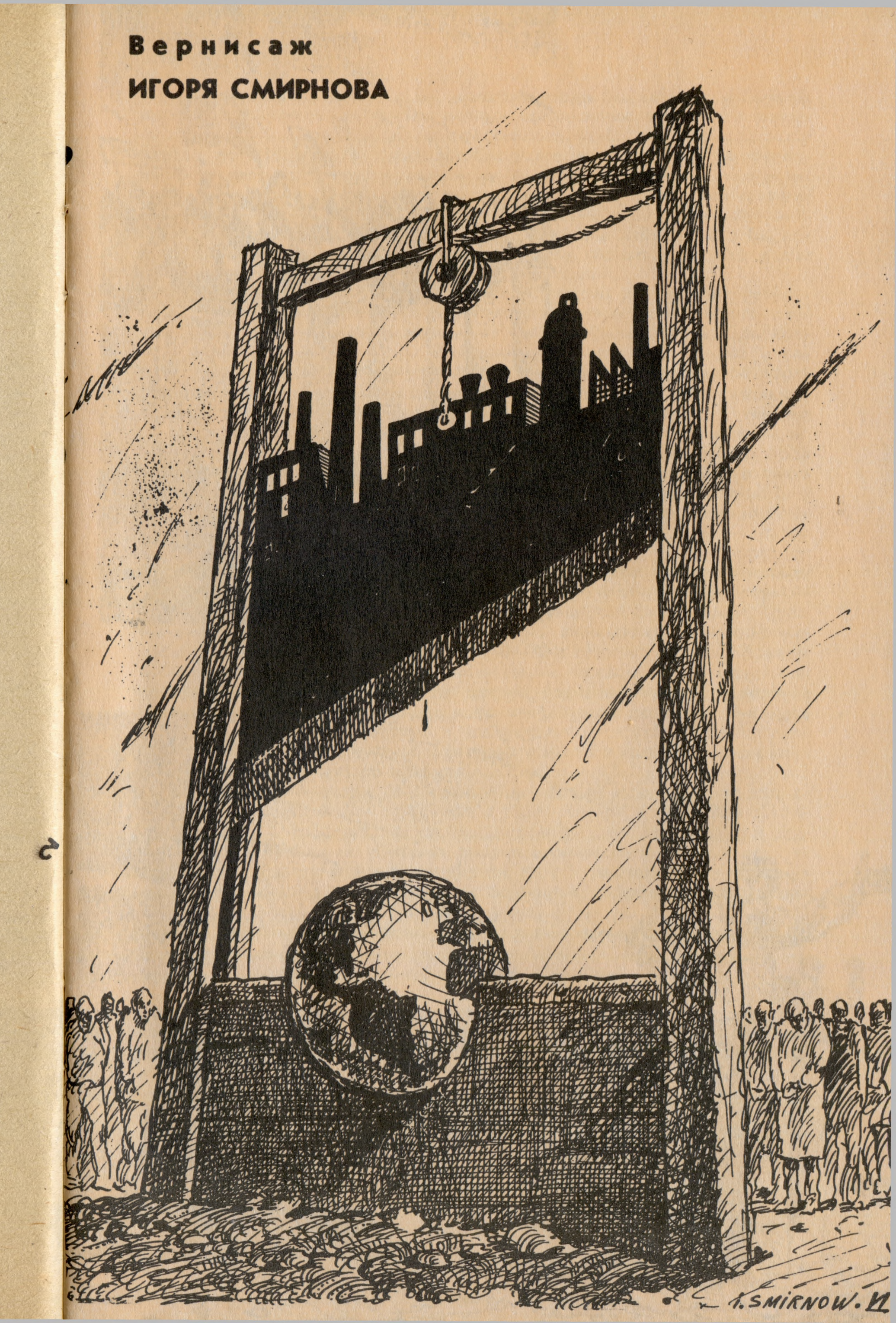
Михаил Малютин

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ И СОЦИАЛИСТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ВЫБОР ПУТИ

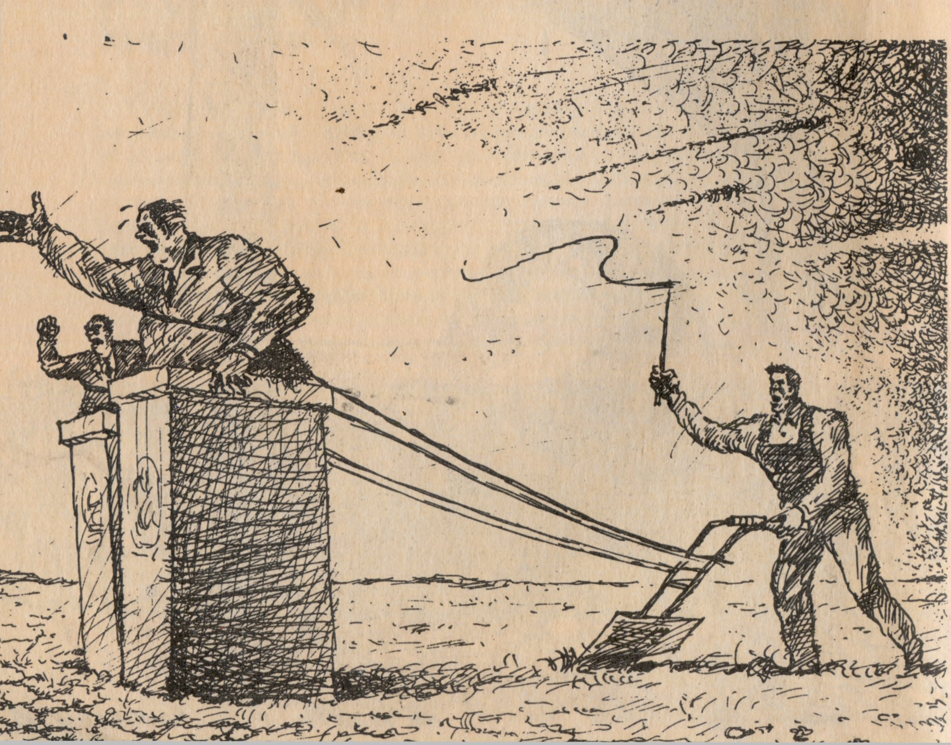
Размежевание двух этих линий в идейно-политической жизни страны стало в первой половине 1990 года реальным фактом. В первой декаде мая прошел съезд социал-демократов, в последней декаде июня — социалистов; между тем по понятным читателю причинам информации о том, что же из себя представляют данные течения и в чем между ними разница, в советской прессе практически нет. И самое интересное при этом заключается в том, что эта ситуация характерна не только для официальных источников, но и для самиздата: хотя и у социалистов, и у социал-демократов, разумеется, есть свои печатные органы, полемики между собой они как-то никогда особенно не вели. Обстоятельства жизни автора данных заметок сложились таким образом, что еще с 1984 года он знаком с одним из идеологов и организаторов «новых социалистов» Борисом Кагарлицким, а с 1987 года — с наиболее авторитетным из лидеров социал-демократов Олегом Румянцевым. Благодаря товарищеским отношениям с ними и многими другими активистами формирующихся движений, совместной работе на протяжении нескольких лет (прежде всего — в московском Народном фронте) картина начальных этапов развития и размежевания этих политических течений известна мне, что называется, изнутри. И каковы бы ни были их последующие шаги, то, что было,— это уже история, история воскрешения традиций и тенденций, казалось бы стертых то-

Вернисаж

ИГОРЯ СМИРНОВА

талитаризмом в лагерную пыль, а потом вроде бы забытых и быльем поросших. В настоящее время данные организации вступили в новую фазу, которую можно назвать **профессионализацией.** «Неформальность» первых лет (1987—1989) была прежде всего проявлением самореализации отдельных людей и групп, но в последние месяцы «дилетантизм» и «любительщина» становятся у лидеров и активистов формирующихся партий наиболее часто встречающимися бранными словами. Идет поиск социальной базы. Силы, не сумевшие избрать хотя бы некоторое количество депутатов, оказались за гранью того, что в настоящее время в СССР понимается под политикой.

Данные заметки — это прежде всего попытка подведения некоторых итогов и прочерчивания перспективных линий дальнейшего развития. Но сначала надо остановиться на «внутриутробной», «доперестроечной» стадии эволюции новейших российских социалистов и социал-демократов. Мало кто уже на шестом году революционной перестройки знает, что сразу же после 1953 года развитие самостоятельной социалистической мысли в стране возродилось примерно в той же точке, в которой оно было насильственно оборвано сталинщиной за 20 лет до того. Как известно, «платформа Рютина» была своего рода синтезом усилий левых и правых: у первых была прежде всего взята на вооружение программа демократизации политической системы (и в особенности внутрипартийной жизни), у вторых — основы экономического курса. Первые политзаключенные хрущевских времен — группа студентов-историков МГУ, лидерами которых были Лев Краснопевцев и Револьт Пименов, арестованные в 1957 году после выпуска листовки (по итогам Пленума, ликвидировавшего «антипартийную группу»),— фактически стояли именно на позициях «рютинской платформы». Группы аналогичной ориентации неоднократно возникали и ликвидировались «компетентными органами» и в 60—70-е годы и главным образом также состояли из молодой интеллигенции, прежде всего студентов, но преобладающими стали иные формы социалистической идеологии (по крайней мере, в Ленинграде и Москве). Вторая половина 60-х была окрашена в цвета «социализма с человеческим лицом» и завершилась событиями, запечатленными в известных стихах Евтушенко: «Танки идут по Праге — Танки идут по правде».

Конец 60-х — начало 70-х вывели на первый план интерес к «новому левому» движению с уклоном в «третий мир», в конце 70-х объектом усвоения и переработки стал «еврокоммунизм». Но ответа на вопрос: «Что делать?» — в условиях позднебрежневского режима все эти поиски до поры до времени не давали. Кстати, именно так — «Поиски» назывался один из самиздатовских журналов, в котором на рубеже 70—80-х началось концептуальное перевооружение советских левых. Задним числом происшедшие тогда сдвиги легко реконструировать, прочитав изданные в вынужденной эмиграции «Самоуправление» Вадима Белоцерковского и работы Петра Абовина-Египеса, до сих пор абсолютно не доступные никому, кроме читателей самиздата. Учитывая, что за последние годы опубликованы практически все «классики самиздата» иных направлений, продолжающаяся до настоящего времени информационная блокада течения, которое условно может быть названным «самоуправленческим социализмом», выглядит довольно примечательно. Наиболее развернутым манифестом нового направления, на мой взгляд, стала написанная Борисом Кагарлицким в 1979—1980 годах «Диалектика надежды», опубликованная в Париже издательством «Слово» в 1988 году. Начавшиеся в 1980 году в Польше события подтвердили, что разрабатываемая концепция ликвидации тоталитаризма

на базе развития массового движения трудящихся за самоуправление имеет шанс на осуществление, но попытки «молодых социалистов» (как их назвала мировая пресса) не только пропагандировать свои взгляды в самиздатовских бюллетенях «Варианты» и «Левый поворот», но и наладить координацию практических действий реально существовавших в различных городах примерно десятка левых организаций и групп завершились в 1982 году для шести лидеров арестом и тринадцатимесячным следствием. И хотя по ряду причин до суда дело не дошло, анализировать причины поражения в Польше пришлось уже в новую историческую эпоху...

Таким образом, новый для России самоуправленческий социализм возник на пересечении целого ряда идейных течений: наследия Троцкого (включая IV Интернационал), опыта борьбы восточноевропейских левых против установленных при поддержке Москвы тоталитарных «социалистических» режимов, деятельности «новых левых», левого крыла социал-демократии, народнического социализма в развивающихся странах. Попытки возрождения традиций российской социал-демократии тоже неоднократно предпринимались в описываемые годы, но речь в большинстве случаев шла именно о ее классической марксистской разновидности (так, например, один из организаторов в 1978 году первого независимого профсоюза в СССР СМОТ — свободные межотраслевые объединения трудящихся — Владимир Сквирский самоопределился именно как продолжатель дела Каутского). Вопрос о том, что к условиям СССР в принципе применима современная концептуальная модель Социнтерна, впервые был поставлен «молодыми» социалистами Павлом Кудюкиным и Андреем Фадиным, но оба они сформировались и продолжают в настоящее время самоопределяться в рамках марксистской интеллектуальной традиции. Размежевание с ней внутри современной социал-демократической идеологии в СССР удалось в теории наиболее последовательно осуществить Борису Орлову (на базе изучения западноевропейского опыта), а практически — Олегу Румянцеву, имевшему возможность в Венгрии наблюдать опыт социал-демократизации кадаровского режима.

Разграничительные черты между российскими социалистами и социал-демократами впервые были отчетливо проведены на социал-демократической школе в Таллинне в июле 1989 года. По удачной формулировке Бориса Орлова, с точки зрения современной социал-демократии (в отличие от ее классической марксистской разновидности) никакого принципиального противоречия между социализмом и либерализмом нет — социализм и есть либерализм, из сферы политики и идеологии распространенный на экономические и социальные проблемы. Соответственно идея классовой партии (даже в более размытом варианте «партии трудящихся») уступает место общенародной партии с опорой на средние слои. Идеи национализации экономики (и самоуправления — в другом варианте марксистской традиции), то есть коренной трансформации существующей экономики регулируемого государством рынка, оттесняются планами ее дальнейшего усовершенствования в рамках «социального государства» и т. п. Заслугой Олега Румянцева является попытка практического применения этой модели социал-демократии (с либеральным большинством и марксистским меньшинством) к советской реальности путем создания соответствующей организации.

Основные моменты теоретических расхождений социалистов и социал-демократов можно свести, на мой взгляд, к следующим пунктам.

Во-первых, для социалистов социализм — это реально осуществимая цель построения нового общества, качественно отличающегося от современного капитализма (даже в его шведской или австрийской разновидности). По мнению вторых, надо не строить утопии, а продвигаться поэтапно по пути большей социальной и экономической демократии; если кому-то нравится, то можно называть это социализмом (но О. Румянцев, как человек последовательный, всегда предпочитает говорить именно о социальной, а не о социалистической демократии).

Во-вторых, по-разному оценивается Октябрь. Социалисты развивают наследие Троцкого, Мартова, Люксембург, «поздних» Бауэра и Дана по этому вопросу, считая происшедшее не только исторически неизбежным, но и в целом прогрессивным процессом, в то же время бескомпромиссно осуждая тоталитарные тенденции, существовавшие в русской революции изначально. Социал-демократы вслед за Плехановым и Каутским однозначно осуждают «переворот» как разрушивший надежды Февральской революции.

В-третьих, довольно значительно расхождение в понимании путей практической ликвидации существующего в СССР строя. Социал-демократы принципиально выступают за парламентскую партию («электоральную», по точной оценке О. Румянцева), социалисты — за кадровую организацию, способную стать (по образцу «Солидарности» и менее известной в Европе бразильской Партии труда) массовым движением и побороться за власть внепарламентскими методами, прежде всего массовыми забастовками и кампаниями гражданского неповиновения. В конституционный переход от нынешнего режима к демократии они не верят.

В-четвертых, по-разному оценивается возникшее в России рабочее движение. Для социалистов оно является примером реализации (пусть и в крайне зачаточном, неразвитом виде) их самоуправленческой идеологии, примером того, что самоорганизация массового движения обладает достаточным потенциалом для решения крупных задач экономического и политического характера, а его актив способен стать неотъемлемой частью формирующейся новой социалистической партии.

Социал-демократы же смотрят на эту среду (как и на любое массовое, «популистское», по их терминологии, движение) не как на свою социальную базу и опору, а как на потенциального союзника. Хотя среди рабочих активистов есть и люди, относящие себя к социал-демократам (хотя трудно сказать сейчас, кого в рабочем движении нет, поскольку в нем присутствуют разнообразнейшие элементы — от анархо-синдикалистов до сторонников «народного капитализма», от борцов за диктатуру пролетариата до активистов ДС), на съезде Конфедерации труда в Новокузнецке социал-демократы рекомендовали им пока создавать профсоюз, независимый от любых партий, утверждая, что социал-демократическая партия, создаваемая в настоящее время в России, готова защищать в парламенте их интересы. Еще раз хочется подчеркнуть, что речь идет о доминирующей в СДПР тенденции, блестяще по четкости и откровенности выражаемой наиболее авторитетным лидером партии О. Румянцевым.

Существуют, разумеется, и более «традиционно» настроенные течения. Оппоненты Румянцева любят ему указывать, что он исходит прежде всего из восточноевропейского (в особенности из профессионально им изученного венгерского опыта), очень слабо пока увязанного с реалиями родных палестин. Но, судя по победе именно этой

линии на съезде (как и на предыдущих конференциях СДП), она сумела перерасти уровень неформальной тусовки и завоевать определенные позиции на направлении, избранном как приоритетное в парламентах Союза и России. В работе съезда, правда, принимало участие только четыре депутата одного и шесть — другого уровня, но информация о том, что как минимум несколько десятков депутатов обоих Верховных Советов считают себя социал-демократами по убеждениям, хотя формально многие из них в СДП пока не вступили, соответствует действительности.

С позициями в местных Советах дела обстоят не столь успешно, в особенности в Москве, где еще осенью 1989 года численность СДП не превышала сотни человек. По-настоящему массовой организация стала пока только в Ленинграде, не случайно на съезде она была представлена 80 делегатами из 200. Но сила Ленинграда обернулась слабостью с точки зрения внутреннего единства, в результате чего — как в свое время на II съезде РСДРП — произошел раскол по чисто организационным мотивам. Тогда, защищая федерализм и автономию, ушел Бунд, сегодня — группа Андрея Болтянского, обвинившая своих противников в большевизме, демцентрализме и т. п. Насчет того, что это делается с целью «облегчить переход части партийных функционеров с тонущего корабля КПСС в организацию с новым названием, но с точно такой же тоталитарной структурой», Болтянский явно преувеличивает (впрочем, именно его группе принадлежит проект введения годичного кандидатского стажа для бывших членов КПСС при их вступлении в СДП, большинством проваленный).

Засилья бывших коммунистов в СДП нет среди руководителей и в помине, в своих документах социал-демократы совершенно четко и жестко отмежевываются от КПСС, в том числе и от реформистского крыла не только в лице Горбачева и Яковлева, но и от «Демократической платформы», предлагая принимать последних в СДПР исключительно в индивидуальном порядке. Таким образом, возможность какого-то блока с подобными партнерами категорически отвергается. А вот насчет того, что «аналогичная модель передачи власти от коммунистов к социал-демократам уже опробовалась в Восточной Европе и не получила поддержки населения», Болтянский совершенно прав. Возможно, не ошибается он и когда говорит: «Осталось попробовать у нас, в Союзе. Но, увы, результат будет тот же». Неясно, правда, почему, ибо грехом демократического централизма и соглашательством с коммунистами восточноевропейские социал-демократы в массе никогда не были заражены.

Перед нами объективное противоречие: с одной стороны, данные зондажей общественного мнения показывают, что социал-демократическая ориентация обладает массовой популярностью в общественном сознании бывших «стран реального социализма», с другой стороны, они не в силах создать пока влиятельных организаций и на выборах терпят крах за крахом даже в тех ситуациях, скажем, как в ГДР, где большинство серьезных аналитиков предсказывало им победу. На примере ГДР, как наиболее показательном, есть смысл остановиться поподробнее. Выиграли, как известно, христианские демократы, никакого участия в антитоталитарной революции не принимавшие и бывшие все годы лояльным партнером режима под простым лозунгом: «Будет западная марка по курсу 1 : 1». Леворадикальные силы (Новый форум, Единые левые и т. п.) фактически вели избирательную кампанию под лозунгами «Не хлебом единым» и «Сохраним максимум лучшего из имеющегося» с понятными результатами. Что делали в период революции их единомышленники из ФРГ (вместе с левым крылом «зеленых» их десятки тысяч), почему среди трудящихся не нашли заметного отклика концепции радикального самоуправления и совладения собственностью, а идейно-политические силы, десятилетиями по обе стороны границы их разрабатывавшие, на них не настаивали и оказались несостоятельными в закреплении победы, фактически одержанной их усилиями,— надо еще изучать. ПДС, наоборот, в тяжелой для себя ситуации выжала максимум возможного и выступила на выборах как единственная серьезная партия социальной защиты и сохранения гарантий уровня жизни большинства населения как потребителей, то есть выступила как и. о. социал-демократии под лозунгом «Без нас вас продадут задешево».

Восточногерманские социал-демократы в сложившейся ситуации вообще не нашли своей специфической позиции, и, учитывая, что во всей Восточной Европе, включая Прибалтику, происходит то же самое, это явно не случайность. Социал-демократия в ее нынешней версии — это все-таки по преимуществу западноевропейский феномен, за пределами этого региона имеющий серьезные позиции только в странах той же цивилизации и культуры (Канада, Австралия, Новая Зеландия). Без высокоразвитого рабочего движения в условиях высокоразвитого капитализма аналогичный феномен еще нигде не возникал. В странах Восточной Европы в подавляющем большинстве случаев рабочее движение как серьезная социально-экономическая сила еще не сформировалось, и люди, именующие себя социал-демократами, по преимуществу представляют интересы различных групп средних слоев вне зависимости от того, начиналась ли их политическая биография внутри коммунистических партий или они изначально стояли в непримиримой оппозиции к последним. Впрочем, и в Польше, где массовое рабочее движение есть, дела у придерживающихся социал-демократической идеологии идут ничуть не лучше, хотя внутри «Солидарности» есть как минимум три соответствующих течения, а еще два образовались на обломках ПОРП.

Российские социалисты изначально исходили из объективного существования перечисленных выше эскизным образом проблем. Что в случае краха тоталитаризма весьма вероятным исходом является не скачок к Западу, а сползание в «третий мир» в случае, если к власти приходят не трудящиеся, а адаптировавшиеся к новым условиям эксплуататорские слои, стало ясно уже в середине 80-х годов. Но этот исход, по их мнению, далеко не фатален и должен быть предотвращен, ибо в противном случае резко возрастает опасность глобальной катастрофы. Базовое противоречие систем советского типа можно сформулировать следующим образом: с одной стороны, основная масса трудящихся в строгом смысле этого слова не является еще даже наемными работниками, ведь в рамках тотального перераспределительного механизма доминирует внеэкономическое принуждение и, следовательно, докапиталистические формы эксплуатации, по сравнению с которыми положение свободного продавца своей рабочей силы было бы значительным прогрессом (тем более что тенденция развития позднего тоталитаризма требует новых стимулов к труду, трансформации «рынка продавцов» в «рынок покупателей», признания права различных социальных слоев на самоорганизацию и защиту своих интересов, в том числе и на политическом уровне).

На свой лад, впрочем, все это понимал уже Ленин в 20-е годы, неоднократно говоря, что государственный капитализм был бы большим прогрессом по сравнению с реально существовавшей в Советской Рос-

сии системой, но тогда доминировала противоположная тенденция — к тотальному огосударствлению, превращению всего общества в одну большую фабрику, что окончательно стало реальностью с импортированием конвейерной технологии, задавшей образец не только формированию производственных отношений, но и всех социально-управленческих структур. С другой стороны, развитие свободного рынка (в том числе и рабочей силы) в условиях краха тоталитарной системы является очевидной утопией — то, на что у Запада ушли столетия, предполагается путем какого-то нового скачка за десятилетие-другое реализовать у нас. Нигде еще в мире развитие рынка не начиналось с роста благосостояния и демократии, а нищетой и диктатурой за 70 лет великих побед большинство народа уже сыто. Поэтому вероятность того, что от «строительства коммунизма» массы, «перестроившись», перейдут к «строительству рынка и правового государства» (причем под руководством почти тех же самых социальных сил, перекрасившихся только идеологически), смело можно считать невысокой при любых нормах применения политики кнута и пряника.

Социалисты всегда были за соединение труда и собственности в одном субъекте, и многие серьезные теоретики социал-демократической ориентации на Западе признают, что массовая приватизация средств производства бывшей партноменклатурой, технократией, дельцами теневой экономики и иностранным капиталом (а других потенциальных претендентов на контроль за рынком капиталов в бывших социалистических странах нет и квалифицированному бизнесмену — «цивилизованному торгашу», в терминологии Ленина,— в ближайшее время взяться неоткуда) ведет не к современному рыночному хозяйству и социальному государству, а совсем в другую сторону. Но даже предупреждения Филиппе Гонсалеса и лидеров ФСП по этому вопросу («дикий капитализм» может обернуться в Восточной Европе весьма правыми диктатурами национал-клерикалов, ненамного уступающих тоталитарным по уровню насилия и эксплуатации) пока бьют в пустоту.

Социалистам в России в результате приходится делать три дела сразу.

Во-первых, по причине отсутствия «нормальной» социал-демократии приходится делать ее историческую работу — способствовать элементарной самоорганизации формирующихся наемных работников на этапе перехода к рынку как доминирующему регулятору, то есть бороться за построение максимально современной и эффективной системы социальной защиты трудящихся.

Во-вторых, вести борьбу за выбор оптимальной для основной массы населения модели вывода собственности и власти из-под контроля тоталитаризма и передачи их под контроль демократический. Любой рынок в современном мире является регулируемым, «свободный рынок» — утопия, за которой скрывается определенный своекорыстный интерес. Весьма различное содержание может быть вложено и в понятия «правовое государство» и «парламентская демократия» формирующимися социальными субъектами. Ключевым звеном при этом для социалистов является разработка всеобъемлющей концепции самоуправления, включающей производственный, муниципальный, общегосударственный уровень.

В-третьих, проблемы построения оптимальной переходной модели не снимают вопроса о том, куда осуществляется переход. Если даже демократической власти, возникшей из антитоталитарной революции,

удастся за ближайшее десятилетие решить проблемы продовольствия, жилья, качественных товаров и услуг, снизить остроту экологической угрозы и накал социальных конфликтов, то это еще автоматически не означает, что страна найдет свое достойное место в постиндустриальном мире третьего тысячелетия.

Кризис левых сил является фактом в развитых странах (комдвижение вступило в полосу развала, социал-демократия развитых стран оказалась в состоянии стагнации, новых серьезных претендентов на то, чтобы занять образовавшуюся нишу, пока не возникло — и это в условиях несомненного выдыхания «консервативной волны»), но в развивающихся достигнуты определенные успехи (прежде всего в Латинской Америке, и в особенности в Бразилии, где избавившиеся от сектантства бывшие коммунисты промосковской, пропекинской и прогаванской ориентации, новое профсоюзное движение, кооперативные и крестьянские союзы, троцкисты, левые социал-демократы и левые католики создали Партию труда, лидер которой собрал на президентских выборах 1990 года 38% голосов), хотя до сих пор не одержано ни одной крупной победы, способной вывести движение на новый уровень.

Наконец, в ходе антитоталитарных революций в странах Восточной Европы левые силы в большинстве стран не сумели реализовать имевшиеся у них серьезные возможности и потерпели в первом раунде борьбы чувствительную стратегическую неудачу, оказавшись сейчас за пределами массовой политики даже там (Польша, ГДР), где именно их руками были организованы силы, покончившие со старыми режимами. Разрабатывая свою стратегию, российские социалисты рассматривают себя как составную часть мирового революционного процесса, оказавшуюся — в силу очевидных геополитических обстоятельств — в условиях особой исторической ответственности.

В настоящее время это движение сравнительно невелико и, если проводить исторические аналогии, до известной степени напоминает КОР в Польше второй половины 70-х, объединяя в своих рядах как интеллигенцию самоуправленческой ориентации, так и ряд активистов возникающего в стране рабочего движения. Работа с забастовочными комитетами шахтеров Караганды и Прокопьевска, железнодорожников Восточно-Сибирской магистрали, металлургов Урала, Люблинского литейно-механического завода в Москве позволила подготовить некоторые кадры в преддверии новой забастовочной волны, начали давать определенные плоды усилия по формированию организаций, защищающих интересы работников наемного труда (прежде всего квалифицированных) в рамках объединения социалистических профсоюзов, где помимо работников сферы материального производства представлены и различные группы интеллигенции. Отчетливо тяготеют к социалистам и левые в различных развивающихся официальных структурах (федерация социалистической молодежи — в комсомоле, часть «Демократической платформы» — в КПСС, радикализирующиеся активисты официальных профсоюзов).

Критерий принадлежности к левым для социалистов — не прошлое того или иного человека или организации, не формальное признание марксизма с социалистическими идеалами, а реальное ведение борьбы против эксплуатации как со стороны позднетоталитарных структур, так и пытающегося прийти им на смену блока технократии, теневых дельцов, паразитической верхушки средних слоев и их идеологов, в который пытается встроиться сейчас и максимальное число представи-

телей нынешней элиты. Неототалитаризм, прикрывающийся социалистической и коммунистической фразеологией, является для российских левых главным противником в борьбе за массовую базу. В лице Объединенного фронта трудящихся и формирующейся на его основе Российской коммунистической партии он довольно метко критикует новых претендентов на роль хозяев жизни, стараясь радикальной фразеологией замаскировать то обстоятельство, что фактически выступает за сохранение в реформированном варианте существующей системы внеэкономического принуждения «от имени трудящихся». Революционную ликвидацию тоталитарного перераспределительного механизма он объявляет посягательством на идеалы социализма, контрреволюцией, реставрацией капитализма и т. п. Правда, в последнее время идеологи этого движения сквозь зубы признали рынок — «регулируемый в интересах трудящихся» (вот только кем?), частную собственность — «трудовую», многопартийность — но чтобы власть осталась в руках рабочих (интересно, когда это она у них была?). Если перед нами не очередной образчик социальной демагогии, то тенденция представляется весьма занятной, в особенности учитывая, что непримиримые оппоненты ОФТ позаимствовали у них идеи карточной системы и проведения денежной реформы — на какие жертвы не приходится идти, чтобы сделать идею рынка более привлекательной в глазах «уравнительно» настроенных масс, жаждущих по причине замороченности коммунистической пропагандой и дурными национальными традициями какой-то мифической «социальной справедливости», от которой давно, как установили либеральные идеологи, человечеству один вред...

Разумеется, элементарное сопоставление этой пропаганды с реалиями западной цивилизации доказывает, что идея социальной справедливости (и не только в ее социал-демократической трактовке) занимает в рамках тамошней культуры свое законное и довольно заметное место, но, как учил еще доктор Геббельс, «для того, чтобы в ложь поверили, она должна быть колоссальной» — а уж в закономерностях политической пропаганды в обществах, структурно находящихся примерно на нашем современном уровне развития (то есть осуществивших в рамках модели догоняющего развития первые фазы индустриализации и урбанизации, жители которого стали в большинстве в первом-втором поколении горожскими, но рыночные механизмы и парламентские институты в которых не столько прорастали снизу, сколько насаждались сверху), он толк знал. Не случайно общим знаменателем, в котором сходятся позиции наших западников — «левых» (утверждающих, что их дело правое) и наших почвенников — «правых» (считающих, что они самые левые и есть), является идея сильной руки. Только в первом случае она должна нам внедрить рынок, на котором будут свободно конкурировать неизвестно откуда взявшиеся все формы собственности, а заодно организовать правовое государство в виде парламентской демократии, а во втором — сделать почти то же самое, но национально-специфическим путем и в интересах трудящихся. Страх перед спонтанными взрывами активности трудящихся масс и попытки повернуть их путем социальной демагогии в выгодное русло — в этом современные «западники» и «почвенники» тоже едины.

Но обществом в наше время манипулировать трудновато. При всех недостатках «семидесяти лет великих побед» хоть одного завоевания у нас никто не отберет: основная масса народа стала как минимум не глупее руководства — как в лице нынешнего, так и любых потенциальных претендентов на роль «руководящей и направляющей силы». И основные тенденции обозначились за последний год довольно четко.

С одной стороны, «реформистский блок», включающий в себя наиболее продвинутую в смысле западнической ориентации часть нынешней элиты и средних слоев. Капиталистами в строгом смысле этого слова они быть не хотят в большинстве в ближайшее время, ибо владение собственностью налагает серьезную социальную ответственность, а вот пользоваться всеми привилегиями соответствующего слоя, разумеется, не против. Развивающиеся страны, а теперь и Восточная Европа, демонстрируют массу примеров подобного, зависимого от Запада бюрократического псевдокапитализма, крайне неэффективного в области производства, но чрезвычайно зрелого в искусстве распределения и потребления. «Настоящий» предприниматель, квалифицированный менеджер находятся у этого слоя в услужении, не говоря уж о квалифицированном рабочем и интеллигенте (последний при благоприятных условиях перебирается в развитые страны). Наш «менеджер» в лице министра или директора, «бизнесмен» — теневик в массе, естественно, не составляет исключения из этого правила.

В отличие от развитых стран, где новые средние слои формировались прежде всего в сфере производства (и вклад в их генезис внесли главным образом квалифицированные рабочие, ИТР, интеллигенция «непроизводственной сферы», в условиях НТР ставшая самой что ни на есть производительной силой, мелкий бизнес и т. п.), в условиях разного рода «догоняющих» режимов с их гипертрофированной ролью государственной бюрократии, средние слои с вестернизированными ориентациями неизбежно складывались на базе общих потребительских стандартов в сфере распределения. Производственная квалификация по понятным причинам стояла среди условий социального продвижения на одном из последних мест, решали связи и уровень социальной лояльности — не только к режиму вообще, но и к конкретным «властям предержащим». Но для того чтобы заменить свои незаконные с формальной точки зрения привилегии на новые законные доходы, этот слой нуждается не только в «сильной руке», но и в более широкой социальной базе.

Без привлечения на свою сторону квалифицированных работников наемного труда устойчивым подобный режим быть не может, он готов гарантировать рост жизненного уровня и определенный правовой иммунитет интересов от некомпетентного вмешательства при условии социальной лояльности. Политические свободы при этом, как показывает опыт Чили или Южной Кореи, могут в этом «социальном контракте» до поры полностью отсутствовать. Условие подобного выбора квалифицированного труженика — не только насилие, но и разжигание страхов перед шариковыми из числа неквалифицированных и низкооплачиваемых масс. Последними режим подобного типа при определенных обстоятельствах тоже неплохо умеет манипулировать.

С другой стороны, консолидируется блок, «не могущий поступиться принципами». Ядром его являются абсолютно те же социальные силы, что и в первом случае,— тоталитарный распределительный механизм, обросший паразитическими слоями, только в лице его консервативного крыла, опасающегося в условиях трансформации в рыночной авторитаризм потерять многое, если не все. Этот слой традиционно опирался на массу неквалифицированных и низкооплачиваемых, заключив в эпоху брежневизма с ними тоже своего рода социальный контракт: вы делаете вид, что работаете, а мы делаем вид, что платим вам деньги. Условия, в которых был возможен этот «потерянный рай»,

ныне не возвратить, в связи с чем приходится манипулировать угрозой нового «великого перелома», когда, используя как таран аппаратных фанатиков и опираясь на массы, в тот период действительно свыкшиеся с уравниловкой, рекрутированные из числа элементов с весьма ограниченными потребностями, удалось «поставить на место» тех, кто хотел сполна получать за качественную работу. Сталинизм, разумеется, невозвратим, но в случае краха либерально-западнического проекта (что почти неизбежно в российских условиях при слабости самостоятельного массового движения трудящихся) диктатура, аналогичная гитлеризму, может стать серьезной угрозой (разумеется, нельзя исключить попыток и превентивного установления подобного режима с целью предотвращения социального взрыва). Для того чтобы обеспечить массовую базу и относительную устойчивость такому «решению», вполне может хватить года-другого социального хаоса и элементарной борьбы людей за чисто физическое выживание. Разумеется, к социализму подобный режим будет иметь не большее отношение, чем сталинизм или гитлеризм.

По мнению социалистов, поставить надежный барьер на пути реализации подобных сценариев способно лишь массовое движение трудящихся, ядром которого может стать только блок работников квалифицированного труда. Защита повседневных интересов как результат структуирования различных социальных слоев, далеко не только сферы материального производства, в условиях формирования рыночной экономики является его первоочередной задачей (что значит «перевод на хозрасчет» науки, культуры, образования и здравоохранения в современном советском обществе, понять не очень трудно).

Экономический и иной прогресс не должен осуществляться за счет интересов большинства, и в то же время должны быть ограждены от некомпетентного вмешательства законные интересы любого меньшинства — в этом и заключается сущность социума, именующего себя социалистическим. Частнопредпринимательский производительный уклад, в отличие от тоталитарного перераспределения и псевдорыночной наживы технократических монополий, которые, как паразитический нарост, должны быть устранены, имеет законное право на существование, по мнению социалистов, как один из равноправных укладов, при условии того, что ни он, ни госсектор, ни самоуправляющиеся предприятия, находящиеся в совладении коллективов, не смогут превратиться в монополистов в любом секторе экономики.

В отличие от анархо-синдикалистов для социалистов государство будет существовать в обозримом будущем, а помимо непосредственной демократии в лице советов самоуправления различных уровней неизбежно существование и представительной парламентской демократии, и многопартийной системы, поскольку в условиях отсутствия или слабости, неразвитости системы многопартийности и профсоюзного плюрализма неизбежно нарастает опасность возникновения силы, вновь способной монополизировать собственность и власть. Вопрос — в мере сочетания прямой и представительной демократии, различных укладов в экономике, мировоззренческих течений — в политике идеологии, культуре, и его решение зависит не от априорных принципов, а от развития политической практики. Для того чтобы реализовать свои взгляды, надо, чтобы определенные социальные силы восприняли их как свои. Над этим сейчас и работает соцпартия России.

Борис Пинскер

А КОРОЛЬ-ТО...

Технологическая цель реформ предельно проста: модернизировать производительный аппарат экономики. Избавиться от всего устаревшего, ненужного, лишнего. Развить все современное, прибыльное, необходимое. Так эта задача формулировалась в первой (имени Аганбегяна) версии реформ: перестройка и ускорение. Этот замысел не сработал по единственной причине: нельзя вливать новое вино в старые мехи — прокиснет (и скисло). Ведомственные монополии отторгли реформу, спародировали технологический рывок изобильной тратой денег при сокращении производства. Ускоренная модернизация обернулась ускоренным разложением хозяйства.

Провал структурной реформы открыл путь для реформы отношений собственности, поставил вопрос о денационализации и децентрализации хозяйства, о замене государственной монополии на собственность — многообразием форм собственности. Вряд ли чрезмерной натяжкой будет сравнение провала реформ 1985—1989 годов с поражением России в войнах 1855—1856 годов (с Англией и Францией) и 1904—1905 годов (с Японией). Поражение государственной бюрократии открывает путь революционным изменениям, касающимся самих основ государственного устройства. Застой в машиностроении и сельском хозяйстве сработал не хуже Цусимской катастрофы, не ниже сдачи Севастополя.

Одним из признаков готовности к коренным изменениям жизни стала деидеологизация государственного языка и мышления.

Еще совсем недавно любое, самое абсурдное решение правительства могло быть оправдано короткой ссылкой: «Такова логика нашего социалистического выбора»,— и это прекращало все споры. Не магия социализма, а — магия страха. За «социалистическим выбором» стояли костоломы КГБ. «Антисоциалистические высказывания» — квалификация из судебного постановления.

Страх немного отступил, и правительство вдруг оказалось вынужденным объяснять свои действия обществу. Оно не может ограничиваться высказываниями, подобными реплике М. С. Горбачева (всего лишь в 1987 году) по поводу статьи Н. Шмелева: «При социализме безработицы не было и не будет». Теперь первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана и главный представитель военно-промышленного комплекса Ю. Маслюков, обосновывая разумность правительственного плана перехода к «регулируемому рынку», вынужден обращаться к деловой аргументации. «Сейчас их (безработных.— *Б. П.*) у нас около 6 миллионов человек (в основном за счет среднеазиатских республик), а будет почти 40 миллионов. Обеспечить им существование будет чрезвычайно трудно, наш бюджет этого не вынесет». И чтобы была убедительней необходимость растянуть переход к рынку на 5—15 лет, Ю. Маслюков добавляет: «Кроме того,

«шоковый вариант» привел бы к массовому закрытию убыточных предприятий, чего тоже не выдержит наша экономика». Стремление правительства обеспечить «мягкую посадку»? Да и есть ли смысл в растягивании структурных изменений на десятилетия?

Действительно, основная часть наших промышленных предприятий старая и отсталая, не приспособленная к конкуренции на мировых рынках. Правда и то, что немалая часть предприятий убыточна и в настоящих условиях без дотаций существовать не может. Но ведь говоря о «настоящих условиях», мы в первую очередь имеем в виду существующие плановые цены и плановый состав продукции. Первым результатом реформы должны стать новый состав продукции и новая структура цен, при которых производители всех **нужных** на внутреннем рынке товаров начнут получать прибыль. Конечно, ни качество, ни производительность труда мгновенно не улучшатся от предоставления свободы предприятиям. Да ведь этого и не нужно. Потребителями подавляющей части товаров (более 95%) останутся соотечественники, так же как и конкурентами будут — в условиях неконвертируемости рубля — все те же соотечественники. А это означает, что ни спрос на большую часть потребительских товаров, ни их сбыт и производство пострадать не могут. Следовательно, нет угрозы ни для прибылей этих предприятий, ни для их рабочих.

Но ведь кто-то пострадает от устранения министерств, Госплана и Госкомцен? Разумеется. Пострадают предприятия, выпускающие ненужную продукцию, которая уходит ныне прямиком в нереализуемые запасы либо в утиль, а также те, чья продукция окажется неконкурентоспособной на внутреннем рынке даже при вольных ценах. Сколько таких предприятий? Сколько человек останется без работы в результате реформы? Ю. Маслюков считает, что 34 миллиона человек (40 миллионов без 6 миллионов уже сейчас безработных жителей среднеазиатских республик). Может быть. Старому работнику Госплана виднее — сколько реальной, абсолютно неисправимой и безнадежной туфты создано и покрывается системой социалистического планирования. Но даже если он прав и без работы в первый же год реформы останутся каждый третий или каждый четвертый из ныне занятых в народном хозяйстве, разумно ли бояться этого? Речь-то идет о тех, кто выпускает либо вовсе ненужные товары (значительная часть ВПК, сельскохозяйственного машиностроения, Минводхоза и проч.), либо товары абсолютно неконкурентоспособные, т. е. такие, которые могут быть лучшего качества или дешевле произведены в достаточном количестве на других предприятиях, т. е. опять-таки совершенно не нужные. Разве закрытие соответствующих производств и увольнение их работников может сделать страну беднее, чем сейчас? Конечно, такие структурные преобразования есть, и процесс чрезвычайно болезненный — для самих безработных, для их родных, для населения целых районов, которые окажутся пораженными массовой безработицей. Но одновременно эта операция не только неизбежна и необходима, но и чрезвычайно **выгодна** для страны в целом, включая тех же самых безработных. Выгодна не в какой-то отдаленной, вековой перспективе, но немедленно, сразу, с первого же дня структурных преобразований.

Тут дело вот в чем. Прекратив работу лишних и не нужных вовсе предприятий, которые существуют теперь только за счет того, что зарабатывают все остальные,— милостыней живут, дотацией,— страна немедленно станет богаче на сумму производственных расходов этих самых лишних производств и эти расходы окажутся доступными для нормального, производительного использования. Продажа даже части сэкономленных в результате закрытия ненужных производств сырья и энергии (а они вполне конкурентоспособны на мировых рынках) даст громадную прибыль, которая с избытком покроет затраты на выплату пособий и на переобучение безработных. Первой и основной жертвой структурных преобразований окажется машиностроение, в котором расходы на заработную плату составляют не более 20% стоимости валового продукта. Неужели непонятно, что экономия оставшихся 80%, которые сейчас расходуются на то, чтобы безвозвратно растратить сырье и энергию, с лихвой покрывает все издержки реформы? Реформу следовало бы осуществить немедленно, даже если бы пришлось до конца жизни выплачивать всем высвобожденным машиностроителям их нынешнюю заработную плату. Но ведь этого делать и не придется. Освобождение здоровой части экономики от нужды содержать миллионы «дармоедов» (а как иначе назвать производителей ненужных машин, вооружений, сырья?) очень быстро обеспечит два необходимых результата: концентрацию инвестиционных ресурсов в руках непосредственных производителей и изобилие производительных ресурсов на рынке. С этого момента начнется новый уверенный и быстрый рост экономики, который обеспечит занятость для всех способных и желающих трудиться.

История мировой экономики насчитывает сотни такого рода структурных преобразований и дает основания для вывода: момент нового роста наступает тем быстрее, чем решительней и энергичней сбрасывается балласт устаревших и излишних производств. Более того, перспективы будущего подъема реформированной экономики тем лучше, чем основательней была произведена расчистка.

Откуда же такая робость и страх у правительства? На чем зиждется уверенность, что «наш бюджет этого не выдержит», «не выдержит наша экономика»? Каким образом прекращение ненужного строительства, избавление от балласта может ухудшить положение бюджета? Почему нужно растягивать оздоровление экономики на 10—15 лет? В чем возможная опасность от сокращения расточительности и потерь?

Причина, думается, чисто политическая — «несовершенство кадровой политики». Император Александр II выбрал для реформы 1861—1863 годов новых людей, не причастных к развалу страны и поражению в Крымской войне. Император Николай II после поражения в японской войне сменил правительство. Вместо битых карт из старой колоды пришел деятельный, с новыми идеями Столыпин.

Президент Горбачев пытается обойтись королями из старой колоды. Может быть, потому, что он их знает лучше других, новых. Как бы то ни было, он использует людей, которых собственные сознательные интересы и бессознательные привязанности, деловой опыт и интеллектуальные навыки зачастую обрекают на служение единственной цели: сохранить нетронутой пирамиду политической и экономической власти, которая позволяет узкой группе партийных и хозяйственных чиновников по-прежнему «направлять», «планировать», «координировать» жизнь великой 300-миллионной страны. Чем еще можно объяснить тот факт, что через Верховный Совет СССР проталкиваются один за другим законы, ничего решительно не меняющие в основах экономического устройства страны и совершенно, заведомо не пригодные для нужд пореформенной экономики?

Отсюда — «новый» закон о собственности, который так и остановился на узаконении семейной сапожной мастерской и приусадебного участка: все остальное — это капитализм и эксплуатация. «Радикал»

Л. Абалкин — изобретатель «планируемого рынка» — сулит на будущее: «Мы не исключаем даже возможную их (сапожных мастерских и овощных лавок.— *Б. П.*) продажу (в частную собственность.— *Б. П.*)». Вот уж размах реформы! — приватизация рыночных прилавков и мелочной торговли.

Отсюда же — «новый» закон о личном подоходном налоге, который еще не возникшие крестьянские хозяйства заранее обкладывает налогом, в 6 раз большим, чем доходы рабочих и служащих совхозов. Хорошее предостережение для простаков, все еще мечтающих о независимости в Стране Советов. Не для тебя закон писан, а для президента Буша и конгресса США. Для получения кредитов и доступа к военным технологиям. Правительство рассуждает о необходимости подготовить инфраструктуру рынка: создать фондовую и товарные биржи и проч. Но, позвольте, кто же будет играть на этих биржах? Государственные чиновники? А если они проиграют, кто заплатит? И кто, кстати, может гарантировать, что эти чиновники, которые получат право ворочать миллионными суммами, будут думать о процветании предприятия, а не о своем кармане? Хотя — какие акции, какая фондовая биржа? Есть множество бесконечно более простых вопросов, которые не решаются только потому, что правительство боится ослабления пирамиды власти.

Возьмите, например, вопрос о ценах. Где же еще в истории было видано, чтобы небольшое ускорение инфляции грозило крушением гигантской империи, вчерашней супердержавы? Нигде, кроме как в Союзе Советских... И ведь казалось бы — чего проще? Переведи торговлю на гибкое ценообразование, сними контроль за уровнем заработной платы, увеличивай регулярно пенсии и иные пособия — и дело с концом. Можешь не бояться никакой инфляции. А ведь получается так легко и просто по одной причине: предоставление торговой сети права назначения цен в функциональном плане почти эквивалентно приватизации торговли, а значит, влечет за собой разрушение всей пирамиды политической и экономической власти. Переход к гибкому ценообразованию — решение более радикальное, чем отказ от статьи 6 Конституции. Статью отменили, а власть иерархии даже не дрогнула. С фактической приватизацией торговли от этой власти в считанные месяцы не осталось бы и следа. Потому-то правительство вьется ужом, доводит страну до уровня межобластной и межреспубликанской войны за фонды мяса, масла и колготок, но не идет на простейшую реформу системы торговли. Накрепко заучили сталинско-бухаринскую формулу: контроль над рыночными ценами равнозначен созданию социалистического рынка.

Создается впечатление, что правительство наше готово даже рискнуть массовыми беспорядками и волнениями народа, лишь бы не сдавать ключевой позиции. Полагаю, что именно в этом тайна столь непопулярного (т. е. заведомо опасного в политическом плане) и иррационального, с чисто экономической точки зрения, решения об утроении цен на хлеб. Мероприятие, заметим, не из самых дешевых. Придется напечатать и пустить в оборот не менее 5 миллиардов рублей (для покрытия новой потребности в наличных деньгах). Немалые средства будут затрачены на изготовление новых ценников, на калькуляцию всех цен, зависящих от цены хлеба. Как ни прикидывай, а затраты в десятки миллионов рублей. И ради чего? Ради некоей предполагаемой экономии 5 миллионов тонн зерна. Официальные лица, в том числе президент Горбачев, утверждают, что экономия будет обеспечена более экономным отношением к хлебу печеному: мальчишки перестанут играть в футбол засохшими батонами. Да ведь это вздор! Кто не умел экономно расходовать хлеб, тот и не научится да и не станет учиться — при полной-то компенсации роста цен. К тому же состоятельные люди, которые только и могут — по логике правительства — небрежничать с хлебом, просто не ощутят этого удорожания: по малости соответствующих расходов в рационе состоятельных семей. Так что же, пенсионеры полуголодные сэкономят? Или перестанут скармливать хлеб скоту в деревнях? Может, и перестанут. Но, поскольку государство не намерено расширять торговлю комбикормами, упадет и производство мяса, скота и птицы, производство яиц и молока. Внакладе те же самые пенсионеры да многодетные семьи и окажутся: при сокращении производства их долю перехватят более состоятельные. Так чего же добивается правительство этой явно бессмысленной акцией?

Полагаю, что это только первая, пробная акция в готовящемся общем повышении всех цен. Если народ, поворчав, поругавшись на правительство, примет повышение цен на хлеб, все остальные цены можно будет смело вздувать до небес. Малообеспеченное большинство населения страны будет только злорадно одобрять рост цен на все остальное: одежду, обувь, бытовую технику.

Конечно, при такой законодательной подготовке идти на радикальную хозяйственную реформу, на знаменитую «шокотерапию» — смерти подобно. Ведь некому будет вывозить страну из кризиса. Но похоже, что правительство всерьез не думает вообще ни о каких реформах. Оно просто пережидает время, надеясь — на что? Бог весть. На то, что как-нибудь само обойдется и не нужно будет ничего менять?

Но само собой ничего не делается. Пассивность и имитация реформ просто-напросто делают кризис неразрешимым. Вернее, делают все менее вероятным благополучный мирный выход из общенационального кризиса.

Еще в 1987 году реформу было осуществить сравнительно несложно — по всей сумме внешних и внутренних обстоятельств. Уже сейчас — она весьма проблематична. Реформатору одновременно нужно решать экономические, национальные и военные проблемы, которых прежде не было вовсе. Рынки опустошены, как в разгар большой войны. Запад не только отказывает в кредитах, но и перестает поставлять уже закупленное — правительство не платит по счетам. Утрачен кредит доверия практически у всех слоев населения. Ведется, без большой надежды на успех, полноценная экономическая война против Литвы. Кто на очереди? Латвия, Эстония? Закавказье? Может быть, Кремль? Это не шутка. Если Ельцину достанет мужества возобновить поставки нефти в Литву, Кремль окажется отрезанным от страны. Не окажутся ли тогда последним аргументом танки и воздушно-десантные части? Да и эти будут ли надежнее, чем казаки в 1917 году?

Жутко от всего происходящего. И не потому, что король — голый. К этому-то мы привыкли за десятилетия. Жутко оттого, что голый король не спешит срам прикрыть, не спешит скрыться.

Анатолий Рубинов

ГРЕХИ МОЛОДОСТИ

Некрасивые женщины гораздо чаще бывают гордыми и высоконравственными, чем красотки. Простые чиновники, сидящие за мелкими столами в больших залах, всегда справедливее и демократичнее, чем начальники, восседающие отдельно в кабинетах.

Все это так понятно! Еще неизвестно, как повела бы себя дурнушка, если бы ее искушали. Еще неизвестно, остался бы демократичный чиновник доступным, если бы его испытали властью над людьми...

В нынешнее время гласности вдруг появилось такое большое число людей смелых и принципиальных! Многие тщедушные публицисты заговорили вдруг басом, хотя они всего лишь несколько лет назад очаровательно и нежно пели дискантом. Сравнение во времени требует усилий, листания подшивок — не потому, что все забылось, а потому, что говорить надо доказательно. Легче всего с молодыми публицистами, которые вступили, говоря музыкальным термином, «из-за такта», а проще сказать — начали свою общественную журнально-газетную деятельность года за два до перестройки.

Помню дебют молодого журналиста, который с пафосом призывал своих старших коллег не чернить действительность и недоумевал: неужели в нашей жизни так много недостатков, если буквально в каждом номере того журнала, в который он пришел, появляются критические статьи! Он немножко преувеличивал: тот хороший журнал отличался от других только тем, что он изредка позволял себе критиковать отдельные недостатки.

Хорошо, что остались стенограммы! Трудно поверить, что тот же, немного постаревший журналист сейчас находится в первых рядах перестройщиков и «чернит» все и вся еще звонким, еще почти юношеским баритоном.

Люди бывают порядочными по двум причинам. Меньшинство — из-за глубокой врожденной или выстраданной нравственности. Если это касается такой девушки, то она остается целомудренной вне зависимости от внешних данных. Большинство же ведет себя в трудных случаях жизни правильно потому, что это выгоднее... Тот повзрослевший на глазах журналист стал порядочным человеком потому, что внезапно стало выгодно выглядеть непримиримым борцом, хотя раньше готов был терпеть несправедливость закона и унижающий человека неблагоустроенный быт — до той поры, пока он благоразумным поведением не добьется льгот, делающих человека неуязвимым от мелочей жизни.

Когда все наши газеты стали говорить правду, сразу же возник вопрос: насколько благоразумно следовать поговорке «кто старое помянет, тому глаз вон»! Великодушные и честные люди, которые вышли из тени, стали призывать к мудрости. Они, конечно, правы. Выяснение отношений приводит к ссоре. Наши воспоминания о тех, кто открыто льстил и бессовестно подличал, может привести к мести. Так что же, хвала забвению! Быть великодушными по отношению к тем, кто в свое время из личной выгоды говорил неправду и тем утверждал свое благополучие! Но ведь льстецы в редакциях упрочивали общественную неправду в стране и мешали бороться с ней!

Конечно, это немножко отдает толстовщиной. Но кто поручится, что прощенный лгун, которому общество из великодушия не станет напоминать о его прошлом бесчестии, в один прекрасный день снова не заговорит прежним дискантом!

...В еженедельном издании когда-то появилась прекрасная статья о безнравственной американской секс-бомбе Мерилин Монро. Та статья содержала в себе и немножко клубнички: оказывается, любимица страны загнивающего империализма в ранней юности переспала с собственным батюшкой, к тому же она без конца выходила замуж и разводилась и даже употребляла наркотики. Года через два, когда Мерилин Монро покончила со своей отвратительной жизнью, в том же издании появилась статья того же автора, который рассказал нам о прекрасной актрисе, которая стала жертвой уже почти совсем разложившегося империализма. Оказывается, великая актриса добровольно ушла в мир иной оттого, что не стерпела окружавшей ее атмосферы тления.

А год назад кандидатуру автора двух противоположных статей о Мерилин Монро обсуждали на предвыборном собрании, которое выдвигало кандидатов в народные депутаты. И без упоминания греха с Мерилин Монро его кандидатуру вычеркнули. Правда, бесцеремонно, грубо, нарушая демократию. И бесчестный, но забывчивый автор выступил с гневной романтической речью о попрании справедливости, о честности, о порядочности. Трибуну он покидал с гордой осанкой, непонятый, оскорбленный.

Последние пять лет один из журналистов беспрерывно вносит самый заметный вклад в борьбу за строительство правового государства. Бог дал ему воздушной легкости перо, и трезвую голову, и чрезвычайную рассудительность. Его статьи зажигают, зовут в бой! Но если немного покопаться в старых подшивках, легко найти такие же талантливые статьи, написанные тем же пером и той же головой, которые утверждали, по сути, нечто противоположное — когда он писал репортажи с процесса над писателями, опубликовавшими за границей свои романы (теперь они напечатаны в советских журналах), размышлял вслух об экономических преступниках, одного из которых суд в конце концов приговорил к расстрелу.

Когда этот талантливый публицист был искренен! А мы все убеждены, что талант дается искренностью... И тогда и теперь один и тот же человек создает прекрасные статьи, чуть ли не шедевры.

Конечно, хочется проникнуть в его психологию, понять, что он чувствует сейчас. Любая статья стоит затрат ума, нервной энергии — как можно вдохновить себя неправдой! Думает ли он о своих прежних шедеврах, которые неискушенный, верящий в печатное слово читатель принимал на веру! Что бы ни говорили зрелые люди о газетах прежней поры, все равно они оказывали воздействие на публику, создавали общественное мнение. Что касается молодых, неокрепших умов, то они чтят газетные статьи как закон, как истину, потому что газета лишена признаков ошибающейся противоречивой человеческой индивидуальности. Читатель не видит людей, которые ее создают, не принимает в расчет их человеческие слабости и тем более не думает, что можно что-нибудь напечатать, размножить в миллионах экземпляров ради простой индивидуальной выгоды — например, ради скромного гонорара, которого не хватит даже на то, чтобы купить пару туфель. Газета предстает как некая абстракция. Сколько людей клянутся в

правдивости того, что они говорят, потому что «я сама это в газете читала»!

Миллионы людей в свое время прочитали статью «Почта Лидии Тимашук». Известная журналистка рассказала о письмах, которые получила женщина, выдумавшая зловещую историю про «убийц в белых халатах». Не арест врачей, которых обвинили в злонамеренных отравлениях виднейших людей государства, а именно эта статья о письмах вызвала в стране судороги ненависти. Введенные газетой в заблуждение, люди поверяли «бдительной» Лидии Тимашук свои мысли о тех, кто может без зазрения совести убить, отправить на тот свет самых нужных обществу людей. На страну обрушилась волна антисемитизма. Статью, полную прозрачных намеков, читали и перечитывали, пересказывали и обсуждали — и пересматривали свои взгляды. Статья, видимо, была написана рукой мастера, поднаторевшего выдавать неправду за очевидную истину, и людям казалось, что они своими глазами видели других «убийц» в других поликлиниках и больницах, и они тоже становились бдительными — начались массовые увольнения людей, заподозренных в неслыханных преступлениях.

А через два месяца — через два месяца! — «убийц» выпустили из тюрьмы, восстановили на работе, перед ними извинились. Но автор статьи, подхлестнувшей ненависть в стране, конечно, не извинился перед читающей публикой.

Думая, что народ страдает старческим склерозом, автор знаменитой статьи без всякого стеснения вышла на авансцену в другие времена. Уже состоялся XX съезд партии, уже осужден был сталинизм, и она, смахнув с лица божью росу, уже постаревшая, стала звонким, почти девичьим голосом петь нежную хвалу человеку, первым сказавшему суровую правду о Сталине. Млея в новой любви, теперь уже к Хрущеву, она на торжественном собрании тренированным голосом искусного льстеца то ли читала, то ли говорила в микрофон без бумажки о «подручных партии», т. е. журналистах, готовых вступить в борьбу по первому знаку.

Кажется, она еще жива, «подручная» всех тех, кто посылает в бой, готовая к любому бою за все, за что велено бороться. Ее фамилию можно было увидеть в информациях о важных встречах с зарубежными активистками. Она произносила речи — у нее такой прекрасный голос! Видно, что ей сошло с рук ее деяние, которое хочется назвать преступлением и которое не оправдывается тем, что она выполняла «редакционное задание». Теперь мы дошли до понимания даже того, что преступный приказ своего офицера солдат может не выполнить. Но та знаменитая журналистка отнюдь не солдат, даже не офицер — генерал от журналистики. Впрочем, каждый работник газеты знает, что большинство «нужных» неправедных материалов появляется на страницах вовсе не по заданию редакции, а по зову подлого сердца — по благой воле автора, который, спеша угадать желание начальства, хочет отличиться.

Карьера другого журналиста, позже ставшего поэтом, началась тремя годами раньше благодаря борьбе с космополитами. Он принес в незнакомую ему редакцию заметку на нужную тему, когда собственные журналисты еще мялись, сомневались, примкнуть ли к затеваемому грязному делу или каким-нибудь способом увильнуть от него. Заметку случайного пришельца напечатали, автора взяли работать в газету, он добился больших успехов, а потом даже начал печатать в этой и других газетах стихи, а в журнале — большую поэму. Теперь этот поэт известен не художественным мастерством, а несговорчивостью тона. Он грозно борется с неправдой, сердито выступает на совещаниях, пленумах и открыто подставляет своим противникам грудь.

Он почему-то совсем забыл, что в тиши библиотек в огромных фолиантах подшивок лежат улики, грехи его молодости. Любящая стихи и правдивое слово публика пока не подозревает о неблаговидном прошлом нераскаявшегося звонкоголосого «перестройщика», который выразительно читает стихи, сопровождая их любимым жестом — перстом, куда-то указующим. Но тот перст должен быть направлен на самого автора. При этом он должен был бы стыдливо потупить глаза.

В библиотеках среди газетного хлама можно вообще найти много дивных документов. Еще совсем недавно, лет эдак пятнадцать назад, перестали печатать объявления о защите кандидатских и докторских диссертаций. Это прекрасное чтение! Я помню объявление в «Вечерней Москве» о защите диссертации на такую животрепещущую тему: «Развитие художественной самодеятельности в шестой пятилетке». Или: «Борьба коммунистов Калининской области в восстановлении народного хозяйства, разрушенного войной». Любителей завлекательного чтения лучше всего отослать в Государственную библиотеку имени Ленина, где есть полнейший каталог всех научных почтенных диссертаций, кроме секретных. Там можно увидеть, например, карточку с названием такой диссертации: «Комсомольская печать в борьбе за успешное освоение целинных и залежных земель». Кандидатские, докторские диссертации о коллективизации сельского хозяйства, в которых нет ни одного честного слова, о развитии коллективизма в молодежном сознании, где нет ни одной честной запятой... Так и хочется составить хотя бы перечень этих научных трудов, которые дали авторам кандидатские и докторские степени.

Могут возразить: зачем вспоминать грехи молодости! Однако в молодости бывают грехи, которые отзываются всей жизнью, но не своей, а чужой — целого поколения. Научные грехи, оставившие следы в библиотеках, продолжают питать научное самосознание многих степенных и почтенных мужчин и женщин, сделавших прекрасную карьеру, десятилетиями получающих высокую зарплату, живущих комфортно, в прекрасных условиях.

Мне довелось встречаться с профессором, многолетним наставником научной молодежи, который лучше всех знает особенности освещения печатью социалистического соревнования в восьмой пятилетке. Он профессор, доктор наук. Он заседает во многих комиссиях, участвует в симпозиумах, говорит значительно, выглядит по телевизору благообразно, и к нему прислушиваются. Только никто не помнит, что научное имя ему дало знание освещения печатью социалистического соревнования. Эта липовая диссертация дала возможность оболванивать бесконечные поколения молодых людей, которым он год за годом навешивал лапшу на уши и, если продолжать говорить нынешним языком, пудрил им мозги. Самая главная задача подлинной самодеятельности этих уже повзрослевших людей — так это стряхнуть лапшу с ушей, прополоскать мозги в чистой воде. Какое огромное число людей делает это сейчас, не успевая читать, смотреть, слушать! Нет, не так невинны некоторые грехи молодости! Они сказываются на чужих организмах, за них страдают ни в чем не повинные поколения людей. Этот интеллектуальный СПИД оставил нерушимое душевное здоровье в носителе болезни, но открыл доступ всем ветрам, всем напастям для душ слушателей, читателей, зрителей. Их в молодости лишили иммунитета от вранья.

Режиссеры и актеры жалуются, что опустели театры. Не хочет хо-

дить публика на представления о жизни выдуманных или исторических персонажей! Публика хочет сидеть дома у телевизора или читать газеты. По телевизору и в газетах рассказывается о том, чем человек живет сегодня. В самые последние годы вся страна полюбила новых неизвестных героев, которые, оказывается, уже появились, выросли. Они говорят правильные слова, они беспощадно и безбоязненно говорят о наболевшем — помогают сформулировать мысли простым людям, которые думают так же, но им не хватает слов. А между тем некоторые из этих героев уже давно оказывали влияние на общество, но только противоположными речами. Вот выступает прекрасный оратор и громит серость литературы социалистического реализма. Он негодует против тех, кто не давал ходу Платонову, Булгакову, Гроссману... От ненависти к гонителям этих прекрасных писателей у него ритмично подергивается борода. Оратор говорит прекрасно! Мысли его превосходны! Фразы его эффектны! И я неожиданно захотел что-нибудь прочесть из написанного этим моим красноречивым единомышленником. Пошел для этого в библиотеку, принялся листать каталог, в том числе каталог научных диссертаций. Батюшки мои, да это же апологет социалистического реализма! Даже по заголовкам его статей и научных исследований видно, как рьяно, с пафосом боролся он с жалкими противниками социалистического реализма, с советологами, чернящими советскую действительность. Но... как раз накануне по телевизору он сидел рядом с заморским советологом и поддакивал ему своей бороденкой, глядел на него влюбленно, как на апостола...

Не хочу сеять подозрительность ко всем, кто сейчас говорит так славно. Хотелось бы напомнить всем, что слово отнюдь не воробей, что бумага все терпит, что газетная бумага только и ждет того, что к ней обратятся за свидетельством. И она такое расскажет, такое!..

Я тоже был бы снисходителен к чужим грехам молодости, если бы знал, что они избавились от них, что они покаялись и хотят быть честными. Но что-то не слышно — не видно кающихся! Только иногда кто-то мимоходом вспомнит свое оправдание, которое успокоило только его собственную душу. Один из таких правдолюбцев нашел алиби, которое уже много лет согревает его: он не пошел на собрание, когда исключали писателя,— сказался больным, а для доказательства взял бюллетень. И теперь считает это своим подвигом, забыв совсем, что в крохотное время Черненко, когда многим казалось, что брежневские времена идут вспять, он успел напечатать в самой центральной газете статью, в которой грозно предупреждал всех пишущих, чтобы они не чернили действительность. Об этом своем произведении, напечатанном многомиллионным тиражом, он как-то забыл, а оно спокойно лежит в каждой библиотеке. Из этого видно, чего иногда стоит искреннее покаяние. Интересно, чем покаявшийся оправдает позорную статью! Не болезнью же! Возможно, наоборот, воспользовавшись листком нетрудоспособности, он написал для другой газеты нужную статью, которую никто из штатных работников писать не хотел!..

...На недавних выборах в Московский Совет баллотировался в народные депутаты один журналист. До этого он никогда не слыл трибуном, но сочинил прекрасную программу, однако избиратели почему-то предпочли ему другого. Потом выяснилось, что у этого внезапно разговорившегося журналиста была и собственная личная программа. В ней он признался своим интимным друзьям: будучи депутатом Моссовета, он, вероятно, скорее решит свои личные жилищные проблемы... Вы поняли! Программа для внешнего потребления была очень эффектной. Она содержала правильные мысли, глубокую оценку положения, в ней остро критиковались те, кто довел Москву до того, что она стала запущенной.

Как хорошо, что он не стал депутатом! Может быть, и публика безотчетно отгадала, что кое-кто становится яростным противником всех недостатков и неожиданно обретает смелость в борьбе с еще крепко сидящими бюрократами только потому, что понял, что быть правдивым сейчас выгодно.

В «оттепель» второй половины 50-х годов один знаменитый кинорежиссер публично вспомнил взятый у известного деятеля революции расширенный образ.

...Идет охотник с ружьем, а рядом, не глядя вперед, всматриваясь только в хозяина, семенит преданная собака. Охотник не смотрит на собаку, а выискивает глазами дичь. Стоит только ему что-то увидеть в кустах, как преданный друг только по взгляду, без команды, пулей устремляется в чащу. Кинорежиссер в образе охотника видел партию, а в собаке — людей искусства, писателей, журналистов.

Тогда почему-то никто не увидел всей оскорбительности намека. Было только восхищение! Но позвольте, значит, деятели искусства, писатели, журналисты — это породистая собака! Такая умная, что без команды мчится в нужном направлении и делает то, о чем только охотник подумает! Такая вот «подручная» собака.

Хорошо бы и умной собаке жить своей головой. Потому что когда предъявят счет, каждый расплачивается сам.

Яков Шестопал

ПОЧЕМУ «БЕЗРАБОТНА» СТАТЬЯ ЗАКОНА

Может, ошибаюсь, но кажется мне, что в валовом исчислении мы по всевозможному нормотворчеству впереди планеты всей. Разумеется, если принимать во внимание не только «чистую продукцию» — собственно законы, но и подзаконные акты, ведомственные, местные и прочие. Ведь каждый наш шаг, каждый вздох, поступок, даже каждое намерение зарегламентированы, зарегулированы, подлежат одобрению или наказанию. Так что по изобилию норм нам давно уже место в первой десятке правовых государств.

Читаешь их, вдумываешься, и создается порой впечатление, что у нас скорее действует не принцип «разрешено все, что не запрещено», а принцип «запрещено даже то, что разрешено». Потому что каждый мало-мальский начальник сам себе закон: он толкует то, что принято «наверху», он создает свои правила местного значения, которые действуют, если даже противоречат самой Конституции. Впрочем, он может не выполнять и вышестоящие, и собственноручно сочиненные им законы. Или вовсе их не применять, будто нет их — и все. И можно только возмущаться, обнаружив бездействующие статьи, хотя охватываемые ими виды преступлений никуда не делись. Что-что, а преступность у нас «богатая» — как по количеству, так и по «ассортименту».

Как-то я говорил на эту тему с хорошо знакомым мне работником Прокуратуры Союза ССР. Естественно, спросил его, как он относится

к «безработным» статьям уголовного законодательства. Ответ был: неоднозначно. По его мнению, с которым трудно не согласиться, «безработица» в этой сфере может быть полезной, приятной, отражающей жизнь, а может быть и вредной, мешающей жить.

Допустим, развивал он свою мысль, в некие времена в тогдашней конкретной обстановке законодатель узрел в определенном деянии опасность для общества, государства или гражданина и решил ввести за него уголовную ответственность. Появляется в УК статья. Однако по истечении многих лет это деяние благодаря изменившимся экономическим, политическим или, скажем, нравственным обстоятельствам либо перестало быть преступным, либо вовсе ушло в небытие. Как говорится, статья есть, а деяния нет. Стоит ли горевать, что она бездействует?

Он привел простой пример из судебной практики, когда обычная, ничем противоправным не замутненная предприимчивость обрекала человека на многие годы лишения свободы. Достаточно вспомнить нашумевшие процессы над крупными хозяйственниками, суровые приговоры, вынесенные им и затем отмененные Верховным судом СССР ввиду отсутствия состава преступления. Он назвал фамилии, которые читатель наверняка помнит по многочисленным публикациям в газетах и журналах, выступлениям по радио и телевидению.

Иное дело, если зло существует, постоянно проявляет себя, всем досаждает, а меры социальной защиты против него не принимаются. Есть статья на нужном месте и в нужном разделе, есть порой руководящие указания вышестоящих судебных инстанций, как и по какому случаю ее применять, но молчат следственные органы, поэтому молчит суд, а значит, остается безнаказанным преступление. Может это способствовать укреплению порядка и законности? Конечно же нет.

Давайте и мы с вами, читатель, заглянем в Уголовный кодекс и поищем, не найдутся ли в нем «безработные» статьи. Увы, они есть, как есть и деяния, по ним наказуемые.

Начну со 156 УК РСФСР (аналогичные имеются и в кодексах союзных республик). Ею предусматривается уголовное преследование за обмеривание, обвешивание, обсчет, превышение установленных розничных цен, а также цен и тарифов на бытовые и коммунальные услуги, оказываемые клиентам, или иной обман покупателей и заказчиков в магазинах или других торговых предприятиях, в общественном питании, коммунальных и бытовых сферах обслуживания. Даны насчет ее применения руководящие указания Верховного суда СССР, в частности в мартовском его постановлении 1975 года. Есть, повторюсь, перечисленные в ней деяния. Не представляет особого труда найти тех, кто их совершает. Но...

Но скажите, вы когда-нибудь слышали или читали о суде над продавцом или работником ателье именно по этой статье? Я — нет. Во всяком случае, не помню, хотя допускаю, что она проходила в совокупности с другими статьями. А между тем, вероятно, не найдется в нашей стране ни одного взрослого гражданина, которого хотя бы раз в месяц не обвесили или не обсчитали. Большинство людей страдает от этого преступления, а нечистоплотные работники торговли, общепита, бытового обслуживания на них наживаются. Мы часто цитируем известное изречение: «Был бы человек, а статья найдется». Выходит, не находится.

Как звонко, с большой пропагандистской помпой вошла в УК статья 139[1] (преследование граждан за критику). И что же? А ничего! Согласно судебной статистике под ее секиру попал в 1986 году, то есть в следующем после принятия, всего один человек. Ни в самом 1986, ни

в 1987, ни в 1988, ни в 1989 годах никто из многочисленных зажимщиков критики не пострадал. Газеты пестрели душераздирающими повествованиями на эту тему, называли десятки и сотни пострадавших, но ничего, кроме пустяковых выговоров или «указаний», не следовало.

Почему? Предполагаю, благодаря небольшой юридической тонкости. Статья требует доказать, что преследование за критику, ущемление прав и охраняемых законом интересов гражданина носят со стороны должностного лица умышленный характер. Попробуй докажи, что оно тебя зажимало, гнало, мешало работать в ответ на критику и при этом делало это с умыслом. Можно подумать, что такое делается по случайности, по рассеянности или из дружеских побуждений.

Я сам столкнулся с подобной ситуацией, когда по доверенности товарища боролся в разных судебных инстанциях против незаконного его увольнения и именно за критику. Можно было лопнуть от злости, выслушивая требования судей и участвовавших в деле прокуроров сформулировать, что мы имеем в виду под критикой. Стали перечислять: резко выступал на собраниях, обращался с устными или письменными заявлениями в самые низкие и самые высокие инстанции, с достаточной степенью язвительности указывал на полную некомпетентность, профнепригодность начальника, ссылался на незаконные его приказы об увольнении или объявлении выговоров, отмененных потом либо профкомом, либо народным судом, обращал внимание на совпадение дат критики с датами следовавшего затем наказания, обращал внимание на показания нескольких свидетелей. Все тщетно. Служители Фемиды снова и снова повторяли: «Объясните суду, что вы имеете в виду под критикой и преследованием за нее?» Каюсь, в какой-то момент не выдержал и в сердцах воскликнул: «Какие еще доказательства нужны? Неужели такие, после которых получают акт судебно-медицинской экспертизы?»

Четыре года шла борьба за восстановление товарища на работу. Четыре года судебные инстанции рассматривали два его иска: об отмене приказа начальника и о наказании того по статье 139[1]. Уволенный вернулся на работу уже в пенсионном возрасте, лучшие годы ушли на тяжбу, но правда восторжествовала только наполовину: 139-ю не применили. Из положенной трехмесячной денежной компенсации за вынужденный прогул, что-то более тысячи рублей выплатило государство. Кошелек самодура не пострадал ни на копейку. Кроме хитроумного слова «умышленно», есть не менее хитроумное «заведомо». Оно присутствует во многих статьях, в частности в 176-й (привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности); 177-й (вынесение заведомо неправосудного приговора, решения, определения или постановления); 178-й (заведомо незаконный арест или задержание). И опять пресса наводнена сообщениями о таких видах беззакония. Сколько раз она требовала привлечь виновных в этом к уголовной ответственности, и все впустую. Признавая факты, руководители правоохранительных органов посыпали голову пеплом, наказывали подчиненных чем угодно (выговорами, понижениями в должности, даже увольнениями), но только не возбуждением уголовного дела. Не отдавали «своих» правосудию, хоть ты тресни, хоть опубликуй десяток статей.

Не торопились с этим прокуроры, надзирающие за законностью. И вот статистика: по статье 176 за время с 1982 по 1989 год осуждено всего 18 человек; по статье 177 — 3; по статье 178 — 23 человека. Причем бывали годы, когда перед судом представали один-два обвиняемых, а то и вовсе ни одного.

Нормально ли это положение? Нет, я не кровожаден, я только хочу, чтобы данные о судимости по этим статьям соответствовали тому,

что происходит в жизни. Иначе наступает безответственность и беззаконие — плохие спутники в борьбе за неуклонное соблюдение правовых норм.

Кто скажет, скольких заведомо невиновных сгубили телефонное право, вмешательство партийных и советских руководителей разных рангов в работу правоохранительных органов, чьи-то начальственные амбиции и мелкие обиды? Кто скажет, сколько людей попали в исправительные учреждения только потому, что кому-то, сильному, не понравились их критические замечания, их точки зрения, их самостоятельность в мышлении и поступках? А специалисты по фабрикованию дел, служа не закону, а лицам, не чувствовали никаких угрызений совести, ибо никого и ничего не боялись. Они годами шлифовали свои весьма специфические методы следствия, гнули и сгибали невинных, любыми средствами получали от них признательные показания. И так же поступали со свидетелями, в которых была нужда.

Но и пойманные за руку, они отделывались и до сих пор отделываются легким испугом, замечанием, выговором. Самое страшное наказание для них — увольнение из органов. Да и оно не страшно: друзья пристроят юрисконсультом или адвокатом — не пропадешь.

Что же тогда стоит на фоне статистики нагнетания страстей вокруг отдельных следователей, чьи действия неожиданно выставлены на обозрение общественности? Дай бог, чтобы я ошибся, но полагаю, что их деятельность мало чем отличается от деятельности коллег, их нарушения — от нарушений других. Но только те занимались иными делами и в пределах своих возможностей. Сдается мне, тот идеал правового благоденствия, к которому мы сегодня стремимся, автоматически накладывается на происходившее вчера и даже позавчера. И конечно же в сравнении с ним прошлое проигрывает. В том числе и в глазах массы людей, слабо разбирающихся в юридических тонкостях. Так политика берет верх над правом.

И если уж зашла об этом речь, напомню о судьбе еще одной статьи УК — 74. Она существует много лет, а в сентябре 1988 года были даже ужесточены санкции по ней. Введена она, однако, скорее ради политики, нежели юстиции. Этакое пропагандистское прикрытие, призванное служить доказательством, что закон бережет национальное достоинство человека, карает тех, кто его нарушает. Мы обзавелись этой статьей для респектабельности, поскольку так принято в цивилизованном мире, и у нас теперь все, как у людей.

Тот факт, что она «простаивала», доказывал нашим недоброжелателям, обращавшим внимание на проявления национализма, будто на самом деле у нас полный порядок и вокруг существует ничем не омрачаемая дружба народов. А поскольку мы и сами жили с закрытыми глазами и закупоренными ушами, то невольно внушили себе, что так оно и есть на самом деле. Да и как иначе, ежели с 1917 года в стране и социальной-то базы нет для межнациональной вражды? Ну, может, что-то возникает кое-где, порой, так это на бытовой почве.

Словом, внушение и постоянная дрессировка массового сознания сделали свое дело. В такой обстановке трудно было рассчитывать, что работники правоохранительных органов будут поступать как-то иначе. Они ведь тоже люди и тоже служили идее. Им, как и всем нам, казалось, что любое дело, возбужденное по 74 статье, очерняет нашу замечательную действительность и льет воду на мельницу идеологического противника. Политичнее было не замечать жалоб такого рода, как не замечают в приличном обществе пролитого на скатерть вина.

Не могли такие вот идеологические и социально-психологические

установки не сказаться на действенности этой статьи. Кого в самом деле предать суду, коль самого преступления якобы нет? И закон безмолвствовал, существуя лишь на случай внешних нападок, а не для устрашения возможных преступников или профилактики самого преступления.

Впрочем, я напрасно употребляю глаголы прошедшего времени. Мы и сейчас не можем похвастаться национальным миром и согласием. Достаточно вспомнить Сумгаит, Карабах, Фергану, Новый Узень, Ош и другие горячие или уже «теплые» точки страны, где не только попирается национальное достоинство граждан, но и на почве вражды льется кровь. А что 74-я? Да ничего, «спит». Это утверждает статистика, а не я.

Не претендуя на особую научность, примем за произвольную точку отсчета 1986 год, когда уже были вспышки межнациональных распрей. Но уголовных дел по ним никто не возбуждал. В следующем, 1987 году по 74-й осуждено девять человек; в 1988-м — один, в прошлом году — девять. Места применения 74-й статьи — Средняя Азия, Закавказье, Казахстан. И это в разгар трагических событий, всеобщего накала страстей и взаимных угроз! Да, чуть не забыл. В феврале о возбуждении одного дела в Москве сообщила «Литературная газета», в апреле из другого печатного источника мы узнали о деле в Ленинграде. Впрочем, подождем вынесения приговора.

Такова арифметика, таковы показания весов Фемиды, где на одной чаше — многочисленные факты проявления национальной розни и вражды, а на другой — весьма облегченные гири правосудия. Скажу больше: даже в случаях, когда взаимная ненависть сопровождалась убийствами, грабежами, насилием, уголовные дела возбуждались только по статьям за эти преступления, а не в совокупности с 74-й. Опять торжествуют инертность мышления, идеологические стереотипы, опять правоохранительные органы свято берегут «невинность», чтобы, не дай бог, не измазать розовую картину черными пятнами.

Поражает в связи с этим практическая и, если хотите, теоретическая беспомощность прокуратуры. Сошлюсь для примера на событие, происшедшее в ЦДЛ, когда группа деятелей «Памяти» достаточно громко потрудилась над попранием чести и национального достоинства. Не буду пересказывать эту историю — она известна. Менее известны взгляды на происшествие прокуроров, ибо обнародованы они в газете с очень небольшим тиражом.

Прокуратура сообщила, что по этому прискорбному факту возбуждено дело по статье 190^3 УК РСФСР. В ответ на вопрос, почему не по 74-й, прокурор Москвы Г. Пономарев ответил дословно так: «В новой редакции статьи 74 УК РСФСР, принятой 11.09.89 года, уголовно наказуемы не пропаганда и агитация, как это было в предыдущей редакции, а действия, направленные на разжигание межнациональной розни. Вот и возникает вопрос довольно казуистический: а что, собственно, подпадает под определение действий?»

Интересно, не правда ли? Были злобные выкрики, оскорбления, мерзкие призывы, угрозы в следующий приход сюда применить автоматы, были попытки завязать драку, но все это, выходит, никакие не действия, а нечто абстрактное, не поддающееся классификации. Ну, может, чисто агитационное, пропагандистское. К сожалению, агитация и пропаганда из статьи изъяты...

И тут возникает не менее казуистический вопрос насчет статьи 190^3 «Организация или активное участие в групповых действиях, нарушаю-

щих общественный порядок». Значит, в том, что сделали активисты «Памяти», действия все-таки есть? А коль так, то в деле явно напрашивается совокупность двух статей — 190 [3] и 74.

Пожалуй, более откровенно выразился в той же газете прокурор Краснопресненского района А. Селиховкин. Он связывает неприменение статьи 74 с «неким психологическим тормозом», который и сдерживает правоохранительные органы, как только они сталкиваются с действиями такого рода. Вся психологическая тонкость состоит в том, что эта статья никогда не действовала, особенно в Москве: неприлично было с точки зрения официальной идеологии признавать в судебном порядке о непорядках с «вечной и нерушимой дружбой народов». Таков, значит, тормоз... Впрочем, появились сообщения, что виновным статья 74 все же вменена следствием. Применит ли ее суд, мы узнаем после выхода журнала.

Вы заметили прямую связь между непониманием, что есть действие по статье 74 и что есть преследование за критику по статье 139 [1]? В том и другом случае служители закона разводили руками. Но не от юридической беспомощности, а совсем по другой причине. В первом случае сказалась укоренившаяся привычка оберегать начальство от неприятностей, во втором — такая же привычка — не омрачать судебную статистику и политический небосвод неприглядной «чернухой».

Я бы мог назвать еще с десяток бездействующих или слабо действующих статей уголовного законодательства (например, 156 [4] (незаконный отпуск бензина), 210 [2] (вовлечение несовершеннолетних в токсикоманию), часть 3 статьи 156 [3] (нарушение правил торговли, повлекшее крупный ущерб и др.), но этого уже достаточно, чтобы убедиться: бездействующий закон порождает беззаконие и поощряет преступления. Законодательство не только должно отвечать реалиям дня, но и работать. Иначе оно приобретает декоративные формы, превращается в мертвую букву, а должно быть живой водой социальной профилактики преступности.

Меньше всего мне хотелось бы, чтобы по этой публикации компетентные органы стали принимать срочные решения и постановления с неизменными «поднять», «усилить», «улучшить». Честно говоря, я начитался таких документов. Ведь стоит только высшим органам издать какой-нибудь указ, ввести какую-нибудь статью в Уголовный кодекс, что с чем-то недостаточно борются, как Прокуратура Союза ССР, прокуратуры республик, Верховные суды СССР и республик тотчас же издают приказы или Постановления Пленумов, которыми обязуют нижестоящие прокуратуры и суды усилить борьбу с таким-то и таким-то преступлением. И начинается. Только я никогда этого не понимал и не пойму, ибо если усиливается борьба с одними преступлениями, то значит ли это, что на другие можно обращать меньше внимания. Не надо ни прибавлять активности, ни снижать ее. Жизнь есть жизнь. В ней каждый день совершаются разные преступления, и каждое должно быть наказуемо, если, конечно, преступников удается разоблачить. Нельзя, чтобы лихорадило следствие или суд, чтобы они забрасывали одно зло и бросались устранять другое только потому, что вышла на сей счет бумага.

Закон должен работать всегда, во всем, без всяких изъятий. И работать в полном объеме, а не избранными статьями. Иначе его ожидает холостой ход, а нас — очередные преступления, оказавшиеся безнаказанными.

Юрий Галансков

ИЗ НЕОКОНЧЕННОЙ ПОВЕСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1958 году в Москве на бывшей Триумфальной площади поставили памятник Владимиру Маяковскому. Образ пролетарского поэта оказался созвучен эпохе первичного пробуждения общественного сознания, навеянного XX съездом: в те годы для многих Маяковский был олицетворением «истинно ленинских норм» нашей политической жизни, возврат к которым в первые послесталинские годы считался доминирующей линией не только партии, но страны и народа в целом.

Вскоре после открытия памятника у его постамента возникли стихийные сборища молодежи: начинающие поэты читали свои стихи. Возникла своя молодежная, как сейчас говорят, тусовка, называемая в обиходе «Маяком».

У каждой тусовки всегда есть свои лидеры, свои кумиры. На «Маяке» ими оказались Юрий Галансков, Эдуард Кузнецов, Владимир Осипов, Александр Гинзбург, Владимир Буковский. Тогда им было едва за 20, а самому юному — Буковскому — всего 17.

Поначалу чтения на «Маяке» носили сугубо «культурно-оппозиционный характер». Кульминацией этого движения стал поэтический митинг в апреле 1961 года. В дни массового народного ликования в связи с полетом Юрия Гагарина на пьедестал каменного «агитатора, горлана-главаря» поднялся «красивый, двадцатидвухлетний» Юрий Галансков и с легкостью бросал в толпу свою поэму «Человеческий манифест»:

Министрам, вождям и газетам — не верьте!
Вставайте, лежащие ниц!

Или:

Не нужно мне вашего хлеба,
Замешенного на слезах.

После этого «бунтарства» активистов «Маяка» партийные и комсомольские органы с помощью милиции и дружинников холодно и планомерно начали разгонять у памятника. И в конце концов разогнали.

А еще через несколько лет подули холодные ветры: снятие Хрущева, введение в Уголовный кодекс статей 70 [1] и 190 [1], суд над Синявским и Даниэлем...

Бывшие «маяковцы», к тому времени окончательно созревшие духовно и социально, не захотели приспосабливаться к новым беззакониям, признавать их закономерными. И именно они стояли у истоков движения, позже названного «правозащитным» или «диссидентским». И вскоре почти все лидеры былых тусовок у памятника стали героями громких политических процессов. Не миновала эта участь и Галанскова.

В январе 1968 года его вместе с Александром Гинзбургом, Алексеем Добровольским и Верой Лашковой судили по статье 70 [1] УК РСФСР. В вину Галанскову вменялись организация двух митингов протеста на Пушкинской площади, а также составление самиздатского

сборника «Феникс-66». Несмотря на серьезную болезнь, суд приговорил Галанскова к семи годам строгого режима.

Приговор Галанскову и его подельникам вызвал протесты во всем мире, в том числе и у нас. Среди литераторов, подписавших коллективное письмо с требованием пересмотра дела, были В. Аксенов, П. Антокольский, Б. Ахмадулина, Б. Балтер, Г. Владимов, В. Войнович, Ю. Домбровский, Ф. Искандер, В. Каверин, Ю. Казаков, Л. Копелев, Н. Коржавин, В. Корнилов, В. Максимов, Н. Матвеева, Д. Самойлов, Б. Сарнов, Л. Чуковская. Почти каждый из них впоследствии был подвержен остракизму со стороны власть имущих. Поэтому иногда этот процесс называли «процессом цепной реакции».

Одним словом, нарастали протесты против политики «закручивания гаек», а власти, со своей стороны, старались их закрутить еще туже.

В зоне строгого режима в Мордовии Галансков принимает участие в голодовках протеста против произвола лагерного начальства, что отрицательно сказывается на его здоровье. После операции, сделанной в лагерной больнице врачом-зеком, у него возник перитонит. Врачей с воли в зону долго не допускали. Когда же московский профессор добился наконец разрешения посетить больного, было уже поздно. 4 ноября 1972 года Юрия Галанскова не стало. Он умер в возрасте Иисуса Христа, в неволе, но свободный духом. До конца дней своих он с гордостью нес свое кредо, высказанное им в одном из ранних стихов:

Гимны петь и славить не могу.
Я не лгу.
Я к совести пришит.

Григорий СИМАКОВ

Сергей Онежский работал электроосветителем в театре. В тот день играли пошленький водевиль. Спектакль пользовался успехом. Неискушенная публика бурно реагировала на самые низкопробные уловки. Спектакль делал сборы. И утопающий театр — нехотя, но тем не менее основательно, ухватился за столь драгоценную финансовую соломинку. Водевильчик вытеснил половину хороших пьес из репертуара театра. Эта вынужденная уступка дурным вкусам особенно раздражала Сережу. Он всей душою восстал, когда на безупречно черном театральном фраке появилось это сальное пятно. Сидя в осветительной ложе, Сережа с презрением смотрел на все происходящее. Спектакль был пятидесятым, и поэтому на него пригласили самого автора. Это был человек, примечательный разве что своими короткими усиками. При других обстоятельствах из него вышел бы неплохой продавец галантерейной лавки, но, к сожалению, он сумел пристроиться около детской литературы, пописывая сначала стишки для детей, а потом и басенки для взрослых. Более того, у него хватило хитрости и энергии преуспеть со временем и в других жанрах, включая и интриганство. В конце концов ему весьма основательно удалось запустить обе руки в литературную кормушку, от которой теперь его даже за уши невозможно было бы оттащить.

И это самоуверенное ничтожество после окончания спектакля, под бурные аплодисменты зрительного зала, раскланиваясь, вышло на авансцену, освещенную тридцатью фонарями с правой и левой ложи. Сережа почему-то вспомнил, что вчера умер поэт Х... Посреди пустого зала, убранный цветами, стоял гроб, а около гроба — одиноко скорбящие жена и дочь. Сережа видел это вчера, а сегодня... сегодня он был очевидцем того, как сотня дураков орала и аплодировала мошеннику, столь искусно ограбившему их и теперь воспринимавшему аплодисменты как нечто должное. Эта сволочь еще выступит с воспоминаниями на вечере, посвященном памяти талантливого русского поэта... Как же! не раз встречались... один искал, где бы занять денег, а другой прогуливался по ювелирным магазинам. Сережа действительно однажды встретил мошенника в ювелирном магазине. Мошенник и его любовница, довольно известная молодая актриса, рассматривали золотой женский перстенек с рубином... Капля крови в золотой оправе... Вот так, высасывая по капле, эти паразиты обескровили Россию...

Сережа направил два мощных прожектора на мошенника. Ослепленный светом, мошенник попытался уйти в сторону, но не тут-то было. Сережа стал преследовать его. О, если бы в руках у Сережи был не прожектор, а пулемет, он пришил бы эту тварь к занавесу!

На остановке много народу. Подошел троллейбус. И очередь, как змея, просунув голову в заднюю дверь и вздрагивая мускулами людей, оттесняющих друг друга, медленно вползала в его светящееся нутро. Сережа посторонился и пропустил двух девушек. Очередь-змея как бы разорвалась, и сразу же у второй ее половины выросла новая голова. На мгновение вползание приостановилось, потом новая голова змеи-очереди нервно просунулась в светящуюся щель входа, упругим движением отбросив Сережу в сторону. Взбешенный, он хотел было схватить за шиворот какого-то юного нахала, но сдержался. Он повернулся и ушел. Он ушел в себя.

Вот так нас будут отбрасывать всюду... Надежды, иллюзии — все это вздор, все это так. За порядочность не платят, за честность бьют, а совесть, если человек не умеет заткнуть ей глотку,— делает его мучеником. В этом мире еще могут жить идеалисты, но реалист в этой жизни обречен на съедение. Общество людей похоже на клубок пиявок, сосущих друг друга. В лучшем положении оказывается тот, у кого наиболее натренированы сосательные способности.

Я обречен. Для меня нет места в этом мире паразитизма и лжи. Граждане крупные и мелкие мошенники, просто грабители и утонченные паразиты, властолюбцы, дельцы, ученые хитрецы, проститутки, спекулянты, кляузники, склочники, бюрократы, садисты — убейте все хорошее во мне, отравите мои чистые родники. Ну, ну... я ловлю ваши хитрые взгляды, я дышу воздухом, насыщенным вашим паразитизмом, я уже чувствую прикосновение ваших грязных рук... Что же делать? такова жизнь — вот кляп, который вы хотите воткнуть в горло моей совести. Но нет! Я буду сопротивляться! Даже обреченный на смерть — я непобедим, как непобедима человеческая порядочность. Я не идеалист и не утопист, я протест и достоинство!

Идти было некуда. Можно было пойти к знакомым, слушать вздор и сплетни. Можно было пойти к другим знакомым, где какой-нибудь литературный идиот, уже будучи проституткой, решает вопрос, продаваться ему или не продаваться? Все это было не то. Нужна была она... И нежная ниточка надежды потянулась к ней. Он перешел на другую сторону улицы и вошел в телефонную будку.

— Марину можно? Это я. Нет, не знаю. А ты? Волосы красишь? В какой цвет, в зеленый? Нет, не злой... просто устал. Да, наверно... Ладно.

Сережа повесил трубку. Спазмы сдавили горло. Он прижался щекой к стеклу будки. В первый момент стекло было холодное, а потом гладкое и ласковое. И в это прикосновение к гладкой и ласковой по-

верхности он вложил всю нежность одинокого человека. Это был приступ отчаянья, сильного и мгновенного, как молния.

Он шел и шел... мимо людей и зданий, мимо заборов и скверов, он шел сквозь все это... Темнело. Выйдя к Гоголевскому бульвару, он перелез через ограду, прошел по аллее к Арбату и направился в кафе. Он зашел в магазин, чтобы купить хорошего чая. В кафе Сережа приходил обязательно со своим чаем. В первое время друзья и знакомые подшучивали над этой его странностью, но постепенно все привыкли и к странности, и к хорошему чаю, тем более, если учесть, что в наших кафе вместо чая подают какой-то отвар из прошлогоднего веника.

Около прилавка небольшая очередь. Сережа оказался впереди девушки. Девушка была горбатая. «Вот ее никто не будет любить»,— мелькнуло в сознании Сережи. И ему вдруг захотелось повернуться к ней, сказать ей что-то хорошее... В нем было много нежности, и ему хотелось отдать эту нежность человеку, который бы в ней нуждался и который взял бы эту нежность счастливыми и благодарными руками. Сережа знал, что очень немного нужно людям для счастья, но что и этой малости им или не дают, или они взять не умеют. Получив чай, он неожиданно повернулся к той, которая была рядом. Он встретил не взгляд, а душевный порыв...

Стремительный и нервный поток прохожих выхватил Сережу из дверей магазина.

Куда торопятся все эти неврастеники? Каждый спешит, потому что каждому нужно. А нужно ли? Таков ритм жизни. Я против. Против такого ритма. Пусть! Пусть они наступают друг другу на пятки. Пусть толкают друг друга. Пусть сильнее бьют по морде слабых. Пусть! Нет, не пусть! Я против. Я против того, чтобы люди наступали друг другу на пятки. Я против того, чтобы сильные били по лицу слабых. Я — за... За то, чтобы расширить прохожую часть улицы. Я за то, чтобы люди поняли, что нужно расширить прохожую часть улицы. Я за то, чтобы прохожую часть улицы расширили... Кто-то сказал, что все люди братья. Ты убил меня, кто-то убил тебя. Так было нужно. А нужно ли? Ты сыт, а я голоден. Я умер, а ты остался жив. А ведь этого могло и не случиться. Ты стоишь, а я сижу. Хочешь, садись, а я встану. Ты любишь ее, и я люблю ее. А она кого любит? Тебе нужно солнце и мне нужно солнце — будем греться вместе. Встретились два барана на узком мосту и уперлись рогами — оба упадут в воду. Встретились два человека на узком мосту и один уступил путь другому. Хочешь моей крови — на, пей: может, захлебнешься. Хочешь моего мяса — на, ешь: может, подавишься? Людоед! Или ты против? Чье сердце против нежности? Чей глаз не радуют цветы? Твой удар по моей нежности. Твои ноги топчут мои цветы. У тебя не будет ни цветов, ни нежности. Встань против ветра и плюнь себе в лицо, наглец. Выбей сам себе зубы, зверь. Обмани сам себя, мошенник. Не хочешь? Не хочешь на собственной шкуре почувствовать чужую боль? Тебе обязательно нужен кнут. Рано или поздно наглецу влепят пощечину, зверя пристрелят, мошенника посадят за решетку. Ты не можешь без жандарма, я сам жандарм, а ребенок спрашивает, что это такое. Ну, ну, черт,— научи ангела, как нужно жить.

Даже будучи пиявкой, присосавшейся к телу ближнего своего, я говорю: «Нет».— Нет! — кричу я. И у вас, пиявок, есть только один аргумент... Вы говорите, что жизнь нужно видеть такой, какая она есть, а не такой, какой видеть ее хотелось бы. Извольте, если вам этого так хочется. Только кто сказал, что он увидел все, и кто столь близорук, что дальше собственной испорченности ничего не видит?

— Онежский, отлично живешь! Вер, смотри, Ленка его антрекотами откармливает...

— Если мне не кажется, это — красная икра... Где Лена? Я тоже хочу красной икры. Виктор, подай мне Лену. И, конечно, чай...

Вера приподняла крышку голубого с золотым ободком чайника и понюхала.

— Ах! — произнесла она, закатив глаза к небу.— Я тоже хочу чая.

— А я водки... Вер, купи бутылочку...

— Фигу вам! Пойду попрошу Ленку, чтобы она меня накормила.

— Пару кровавых бифштексов, я что-то совсем отощал... и действуй там побыстрее.

— Ага, жди, рысью побегу... Тоже мне...

Сережа воткнул нож в кусок мертвечины и стал отрезать. Нож был тупой. Сережа нажал сильнее, и по донышку тарелки поползла струйка сока. Пару кровавых... кровавых, кровавых, кровавых... Сережа выпустил из рук нож. Вилка, пошатнувшись, торчит, как стрела... Он поспешно выдергивает ее и отодвигает тарелку в сторону.

— Что-то ты сегодня мрачный, парень? Бабы, небось, все... Все мы задыхаемся, как рыбы в помойном ведре. Чувствуешь. Я уже начинаю тебя цитировать. Далеко пойдешь. Давай выпьем по этому поводу.

— Выпьем, может быть, и выпьем... Желчь и злобу людей, может быть, выпьем мы... черепа идиотов, наполненные помоями... трусость, ограниченность, человеческое ничтожество, чувства и интеллект уродов,— всю грязь испорченности и паразитизма, может быть, выпьем мы... Я принесу...

Сережа резко встал и пошел к буфету.

— Тост! Сережа. За потрясение основ...

— Собственник... потрясти — да так, чтобы посыпались все гнилые яблоки.

— Начинается... Я пью за Ленку. Без нее все перемрем с голоду, а я умру первая, потому как я беззубая.

Они выпили. Виктор и Вера заскрежетали ножами о дно металлических тарелок. Сережа сидел, уткнувшись в чашку с чаем.

— И все-таки мясо — это здорово! что бы там ни говорили вегетарианцы. И особенно хорошо, когда оно не похоже на подметку. Ленка прелесть!

— Сережа, активней работай челюстями.

— Волк режет овцу, он хищник,— неожиданно начал Сережа.— Человек режет овцу, он человек.

— Вот так люди впадают в маразм...

— Вот так люди на мгновение вырываются из маразма...

— Далее следует истерика. Правда, такие вещи проходят даже без валерьянки. И только некоторые психи переключаются на морковку, собирают ягодки в поле и не хотят замечать, что своими башмаками они ежедневно давят по нескольку десятков Божьих тварей. Они никак не хотят быть логичными, ибо тогда им пришлось бы летать по воздуху. Нет, я, конечно, не спорю... вегетарианство — оно облагораживает. Опять же и Лев Толстой...

— Неужели и он?

— Представь себе, и он тоже...

— Сентиментальный ханжа, питающийся — ха-ха! — рисовыми котлетками. Мясо — тире — необходимый нам продукт! Зачем думать, зачем чувствовать, зачем смешить людей? Ничего этого не нужно. Нужно иметь только здоровые зубы. Нужно купить бифштекс и тщательно пережевывать его... И не мясо противно, рожи противно видеть вокруг,

жующие человеческие туши, которые мыслят челюстями и поэтому вообще не мыслят. Я сам, года три назад, развлекал себя берданкой. Идиот! Сидит на дереве птичка, прицелишься — и только клочья мяса и перышки летят во все стороны. А зачем? Инстинкт охотника? Но никакой инстинкт не оправдывает идиотизма. Человек еще слишком глуп. И каждый маленький человек ежедневно делает свои маленькие глупости, поэтому глупость — всеобща. И вот будучи таким же болваном как все, берешь ружье, прицеливаешься и вдребезги разбиваешь какой-нибудь изумительнейший клавиш лесного фортепьяно, обрываешь песнь, умерщвляешь жизнь. Человек часто поступает подло, хотя это и не лучший вариант поведения. В подлости мы всегда виновны, и мы всегда чувствуем это.

— Может быть, но человек так устроен, что он сам себя признает виновным и сам себя прощает. На ошибках учимся, но это не мешает нам делать новые ошибки и даже повторять старые. Более всего нас удерживает от преступления боязнь наказания.

— Удерживает... но удержать не может. Есть вещи сильнее страха. Преступник не боится наказания, он стремится избежать его. Человек свободен совершить и не совершить преступления. И только его свободное нежелание может удержать человека от совершения преступления... Дело в самом человеке. Каков он? Что он такое есть? Человечество предостаточно наговорило о себе гадостей и вряд ли стоило бы повторяться, но меня всегда поражало похотливое вероломство нашего эгоизма. Мы иногда тянемся сорвать яблоко удовольствия, даже наступая на любящее горло, и ухитряемся при этом не услышать страшного крика... Только после, когда похотливое вероломство нашего эгоизма будет удовлетворено, когда розовое яблоко нашего желания превратится в обыкновенный эксперимент,— мы вдруг начинаем осознавать ужас случившегося... Мы чувствуем свою вину, однако все же пытаемся найти оправдание собственной подлости, но — увы! — для подлости нет оправдания, и это мы тоже чувствуем... Мы вспоминаем сдавленное горло и слышим тот страшный крик... И это — навсегда... В своем стремлении удовлетворить собственную прихоть мы можем <пропуск> лучшего друга и даже не заметить этого.

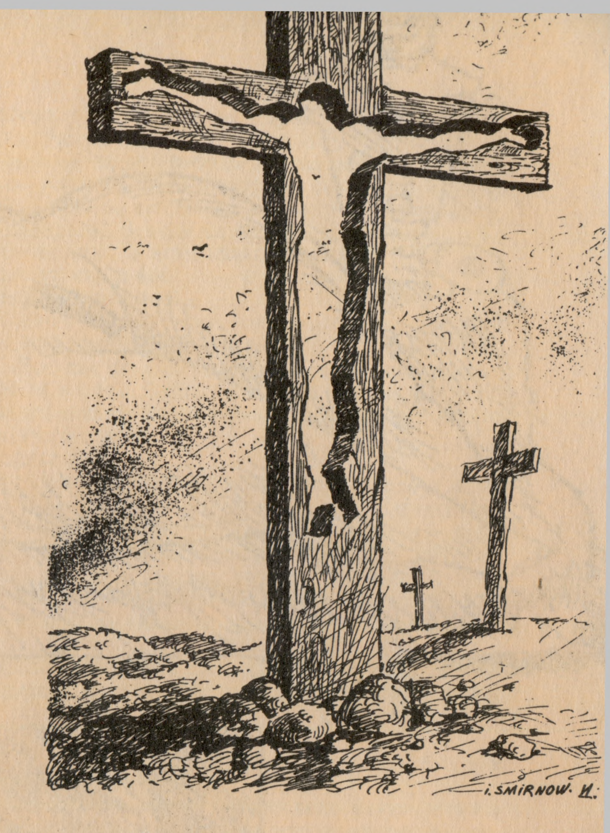
— Человек человеку — волк, Сереженька, и поэтому от людей можно ожидать любой пакости.

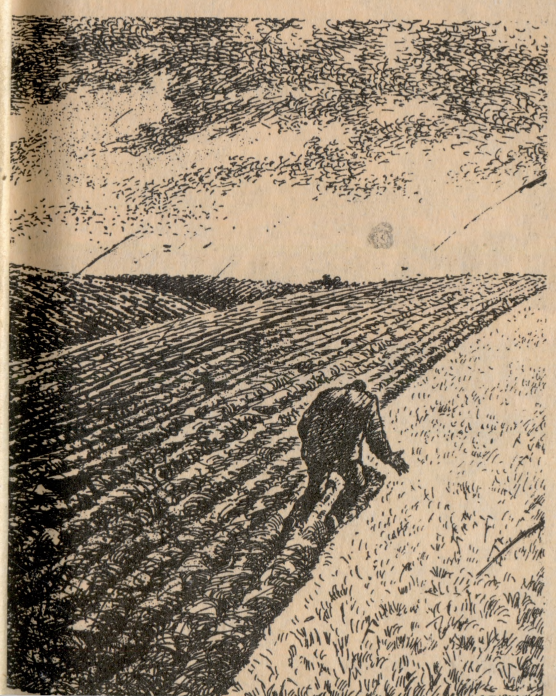
— А ты?

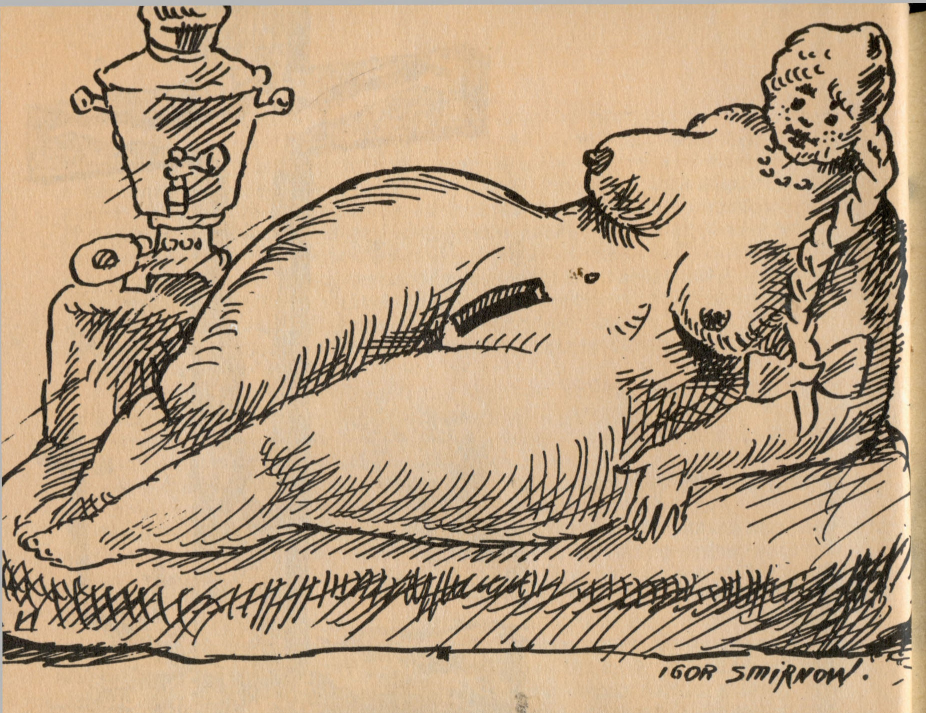
— Я бы о себе этого не сказал.

— Ну вот мы и засмущались. С чего бы? «Человек человеку волк»,— сказал человек-ягненок. Он что, шутит или хулиганит? Вы говорите: «Волк...» — и добавляете: «к сожалению...» Не нравится вам это, вот вы и пугаете друг друга. Вы хитрите... Мы же говорим: «Не убей». Это честно, и в этом есть смысл. И люди и овцы хотят жить. Но люди, как волки, хотят жить за счет баранов. «Не убей»,— говорим мы, ибо человеку иметь в голове волка так же опасно, как волку иметь в голове пулю. Вы не осознаете этой опасности, поэтому рядом с академией, где учат лечить человека, вы строите другую академию, где изучаете технологию современного убийства. Вы изготовляете смертоносные яды, выращиваете бактерии самых страшных болезней и серьезно размышляете о максимальной эффективности применения всей этой чудовищной гадости. Но вам пора подумать о том, как армию солдат в серых шинелях заменить армией врачей в белых халатах.

— Все мы поставлены перед необходимостью барахтаться в грязи. Противно, но на данном историческом промежутке времени жизнь действительно такова. И когда она не была таковой? Когда люди не поги-

бали от собственной глупости, и когда они не задыхались от собственной вони? Ни религия, ни революция не сделали человека лучше, и вряд ли имеет смысл надеяться на что-нибудь в будущем. И, ей-Богу, смешно вновь вытаскивать забытые вегетарианские доктрины. К чему эти этические абстракции? Лично я, например, не смогу зарезать барана, но я ем и буду есть баранину. В этом случае я действительно воспринимаю ее как продукт и не вижу в этом ничего плохого.

— Потому что ты паразит, как и все.

— Стоп, Сережа,— попридержи коней...

— Ну нет, пусть уж кони мчатся, пусть они растопчут того, кто отказывается вести их на живодерню, но кто, однако, не имеет ничего против конской колбасы. Вот ты сказал, что лично я не смогу зарезать... И пусть этот другой зарежет... Пусть... Поэтому зарезать и можно. Но если зарезать можно, значит, какому-нибудь школьнику можно упражняться в спряжении этого глагола.

— А, ерунда! Дело не в глаголах.

— Дело в психологии современного человека, который вдруг истерично кричит: «Зарежу!» Зарежу жену... Зарежу врага... Зарежу любовницу... А почему бы и нет? Ведь существует такое понятие — зарезать. Зарезать барана, если хочешь мяса. Зарезать женщину, если она полюбила другого. Может, все-таки барана зарезать можно, а женщину нельзя? Но ведь режут же женщин. Значит, женщину тоже можно зарезать, только, разумеется, не на мясо — с людоедством уже покончено... Вот так вы мыслите, такова ваша психология. По сравнению с вегетарианцем каждый из вас зверь. Ибо там, где вегетарианец делает из жизни святыню, вы делаете из нее бифштексы. И, боюсь, в своем свинстве вы пойдете так далеко, что настанет день, когда свиньи заговорят, а вы — захрюкаете.

— А я ничего не боюсь... Плохо ли, хорошо ли, но я живу так, как мне нужно, и за все сделанное я плачу сам.

— Великолепная фразочка! И к тому же вот ведь какая штучка в ней есть... Ведь вот, если в слове «плачу» сделать ударение на «у», то вся эта фразочка будет выглядеть всего лишь глуповато. Но если же ударение поставить на «а», тогда другое дело, тогда не плачу́, а пла́чу или, иначе,— расплачиваюсь. А потом вот ведь еще что интересно... Эту мыслишку-то ты уже не раз и не только мне высказывал. С чего бы это у тебя такая охота «платить» появилась? Ведь вот говорит человечек, «плохо ли, хорошо ли» он будет жить, а сам-то чувствует, что жить будет «плохо», и уж наказывать сам себя за это торопится. Поэтому и добавляет, что «за все сделанное буду платить сам». Это изнасилованная совесть еле шевелится в человечке. Но не хочет человечек, чтобы другие увидели, как подл и труслив он, поэтому и не признает он никакого суда, сам себе судьей обещает быть. «Не суйте свое рыло в мой огород»,— истерически огрызается человечек. Не доверяет человечек никому, не уважает человечек никого. Только наивные, глупые, идиотские, скучные, равнодушные, подлые, злые, враждебные рыла и, в лучшем случае, лица собеседников, собутыльников, соседей, знакомых, проезжих, прохожих видит он вокруг себя. А того не видит человечек, что все эти рыла и лица ищут нежности, тепла, справедливости, и, только лишь наткнувшись на стену равнодушия и подавившись заплесневелой коркой сомнительной доброты, они становятся злодеями, мошенниками и дураками. Не видит всего этого человечек, потому что он — мошенник и дурак. И пусть он не запутывает дела словечками «плохо ли, хорошо ли я буду жить», и пусть он не пытается парализовать моральное право на оценку жизненного поведения обещанием

«за все сделанное буду платить сам». Никому не нужно это его обещание. Оно необходимо только ему самому, чтобы хоть как-то замаскировать свои претензии на безграничное право совершать любые, даже грязные поступки. Из этой щели так и выглядывает коричневое рыльце обыкновенного клопа, который вот-вот выползет насосаться крови.

— Не слишком ли обвиняете, господин прокурор? Вокруг меня действительно только подлые и идиотские хари, а я не нуждаюсь в советах подлецов и кретинов. Я надеюсь на собственную голову и на собственные мускулы. И пить чужую кровь я не собираюсь.

— Не собираешься?

— На вампира я вроде бы не похож.

— Ну, разумеется, мы не вампиры! И даже не бандиты. Мы не орудуем ножом и кастетом. Мы никого не задушим и никому не перережем горла, чтобы ограбить. Нет! Мы, например, просто поступаем в институт. Боже мой! Что может быть безобиднее этого? Мы — учимся...

— Не только есть мясо, но и учиться тоже преступно? Трогательно!.. Это уже напоминает бред одержимого... Я учусь, кончаю институт, иду работать, устраиваю жизнь вообще и тем самым устраиваю свою жизнь. Когда-то учились быть кузнецами, теперь учатся быть инженерами.

— Пусть учатся быть инженерами. Я не против. Я вообще не против того, чтобы люди учились. Но я против паразитов вообще и против дипломированных — в особенности. Дело не в том, что вы устраиваетесь, чтобы устроить свою жизнь. Дело в том, что вы устраиваетесь и устраиваете, стоя на горле у ближнего своего. Но устраивая свое счастье на несчастии других, все вы ограбили себя, и в каждом из вас задыхается совесть. И ты такая же сволочь, как и все...

— Псих, успокойся.

— Ребята, перестаньте, вы что, с ума сошли?

— Вспомни, когда ты поступал в Литинститут, то понес туда самые лживые свои стихи. Когда ты писал сочинение, ты лгал. Ты лжешь, когда выступаешь на семинарах, когда пишешь курсовые работы, когда сдаешь экзамены. Те, кто тебя учат,— лгут. Ты учишься лжи, ты весь погряз во лжи, и из этой лжи ты никогда не выберешься. Сегодня ты лжешь, потому что тебе нужно учиться, завтра будешь лгать, потому что нужно будет кормиться, и так всю жизнь.

— С волками жить — по-волчьи выть.

— С волками? А сами-то вы кто? Вы сами-то и есть волки... Вы пиявки, а в институтах вы только совершенствуете свои сосательные способности. Своими дипломами, должностями, званиями вы закрепляете за собой привилегированное положение в обществе. Я сосу кровь, но я, видите ли, дипломированная пиявка, и поэтому не мешайте мне. Я понимаю, что человек может быть ученым или художником, но я никогда не пойму, почему ученый или художник может пользоваться жизненными благами в большей мере, чем рабочий цементного завода? Я никогда не смогу понять, почему какая-нибудь архиталантливая певица может утопать в роскоши и откармливать собственного кобеля бифштексами, в то время как бабе со скотного двора нечем накормить детей? Но вам все ясно. Вы говорите: от каждого по способности, каждому по труду. Я смогу согласиться с этим, но только в том смысле, что пусть архиталантливая певица по способности поет, а баба со скотного двора пусть по способности выгребает вилами навоз. Однако я не соглашусь, что тот, кто напрягает голосовые связки, делает более трудное дело, чем тот, кто напрягает мускулы, и я не соглашусь, что тот, кто напрягает голосовые связки, может позволить себе роскошь забавляться бриллиантами, а тот, кто напрягает мускулы,— вынужден отказывать детям в куске сахара. Может быть, все это и можно как-нибудь объяснить с точки зрения «всеобщего закона стоимости», но как объяснить все это с точки зрения «всеобщего закона совести»? Где вы найдете моральное оправдание человеку, который купается в молоке, в то время как где-то дети увядают от голода? Где вы найдете моральное оправдание разврату и паразитизму, в какой бы утонченно-замаскированной форме они ни проявлялись? Я одержимый? Да, я одержимый, и поэтому я не успокоюсь... Ты говоришь, что надеешься на собственные мускулы. Прекрасно! Но можешь ли ты надеяться на собственные мускулы, если банда грабителей ворвется в твой дом? Твои собственные мускулы вряд ли помогут тебе уберечь свою собственную голову, если десятки честных и смелых людей-братьев не придут к тебе на помощь.

— Стало быть — драка, а как же твой пацифизм? Или, может быть, все-таки в тебя камнем, а ты в него хлебом? Может, все-таки...

— И не все-таки... Даже несмотря на всю подлость, на все драки и убийства,— он в тебя камнем, а ты в него хлебом, ибо разум, совесть, справедливость и любовь — самые мощные орудия в человеческом арсенале. Они в миллионы раз мощнее всякой водородной бомбы. Вопреки войнам, вопреки убийствам, вопреки подлости и жестокости — человечество существует, и оно существует только потому, что сумело выковать в своей общественной и биологической сущности для поддержания своего существования такое великолепное оружие. Все люди — братья или все люди — враги! Труд честный или паразитизм мошенников! Вот выбор, и другого нет!

— Не в этом дело. Пацифизм проповедует отказ от всякой борьбы. Пацифизм уводит от реальности, а реальность такова, что в твой дом однажды врываются бандиты, и необходимо защищаться, необходимо, защищаясь, убивать.

— Пацифизм проповедует отказ от всякой борьбы и хорошо делает! Но когда обнаглевший агрессор врывается в чужой дом, пацифист защищается и защищает. И это естественно. И все-таки пацифист говорит: «Не убей». Пацифизм бьет не по рукам, а по мозгам. Пацифизм стремится разоружить ум агрессора. Пацифизм ведет неутомимую войну против войны. Но в мире еще слишком много солдат и слишком мало солдат-пацифистов. Когда-нибудь их будет много, и тогда они создадут общество разоруженных государств и умов.

— Если пацифист все-таки дерется, тогда нет никакого пацифизма, тогда пацифизм уже не пацифизм. Тогда остается только здравый человеческий разум, который против войны, который не хочет войны. И ничего больше.

— Очень хорошо, что здравый человеческий разум против войны и не хочет войны. Но люди убивают друг друга, люди развязывают войны, несмотря на весь свой здравый разум, который против войны и который не хочет войны...

— Значит, пока еще люди не могут не воевать. Такова жизнь, даже если она нам и не нравится. Не знаю, может, когда-нибудь люди смогут жить иначе... Во всяком случае яблоко должно созреть.

— Но яблоко может и не созреть, если червь вражды и паразитизма будет подтачивать его сердцевину, если глупые свиньи будут подрывать корни дерева и если человечество будет забавлять себя в это время пустяками. Слишком много проблем в человеческой голове, но человеку не следует забывать о том, что где-то в арсенале лежит бомба, которая однажды может размозжить его легкомысленную голову.

Все мы против войны, но только когда с неумолимой неотвратимостью штык вонзается в наш живот, только тогда, в нашем предсмертном крике, раздается истинный голос протеста. Вот здесь-то, на этой глубине, и начинается пацифизм, здесь-то и лежат его неискоренимые корни, а додуматься до той простой истины, что человек должен быть сильнее силы и умнее насилия, не так-то уж и сложно. И уж еще проще понять, что насилие сильного — его слабость. Меня всегда удивляло, что миллионы попугаев из века в век повторяют: жизнь — есть борьба, все люди — враги, победитель — всегда прав и тому подобную чепуху с такой же убежденностью, с которой когда-то их предки твердили, что земля имеет форму сковороды и держится на трех китах. По-моему, пора бы уж было и понять, что жизнь — есть творческое созидание людей, взаимная помощь, их сотрудничество.

— Сотрудничество собаки с кошкой, взаимная помощь кошки с мышкой.

— Если угодно, собаки могут великолепно уживаться с кошками, а кошки с мышками. И все волки станут овчарками, если так будет нужно... Я не знаю, зачем людям дано жить, и не знаю, есть ли в этом какой-нибудь смысл. Но уж коли мне дано жить, я хочу жить честно, потому что если я позволю себе стоять на горле у кого-то, то другой, с таким же основанием, может позволить себе стоять на горле у меня. И тогда мир превратится в хрипящее месиво. Я не думаю, чтобы он уж очень этого хотел. Но мир хрипит. Он хрипит потому, что в своем безумном стремлении к благополучию каждый встает на горло другому. Можно ли жить иначе? Вот в чем вопрос. Я бы сказал — ничего не требуй и не перевязывай людям раны, они сами заплатят тебе за это. Это честно, но это не выход. Сколько бы ни старались санитары, в госпиталь прибывают все новые и новые раненые. Война продолжается, мир хрипит. Рвутся бомбы, свистят осколки. И моя жизнь в опасности. Я не хочу умирать, так же, как не хочет умирать и вот этот юный солдат, который стонет на носилках и взывает о помощи. О, если бы он знал, что борьба смертельна даже для победителей!

— Именно поэтому, может быть, и не нужно вступать ни в какую борьбу. Нужно сидеть и пить вино и еще... спать. А завтра, завтра я проснусь и буду что-нибудь делать. Буду жить, двигаться, дышать...

— Ну, а задыхаться ты тоже будешь? Или что, помойное ведро, в общем-то, уж ничего? И в нем жить можно...

— Приходится, никакого другого, непомойного, ведра не существует.

— А что, если все-таки существует?

— В твоем воображении...

— Так же, как и в твоем помойное.

— Зло существует реально.

— Так же, как и добро.

— Но зло сильнее, оно торжествует, мир полон жестокости.

— Вряд ли это так. И, пожалуй, это совсем не так... «Зло вечно, и оно торжествует!» — запугиваем мы сами себя. Но хорошо же оно торжествует, если люди осуждают всякое зло. Разве те или иные проявления зла приводят тебя в восторг? Скорее наоборот. Разве история не осудила гитлеризм? Наоборот, гитлеризму было нанесено и военное и моральное поражение. Жизнь — есть непреклонное стремление человечества утвердить нравственную идею в отношениях между людьми, ибо это единственный путь к счастью для всех. Фашизм попытался воздвигнуть величественный замок на костях других народов. В своем истеричном стремлении к национальному величию фашизм попрал нравственные ценности и поэтому был обречен на гибель — неотвратимо. Ибо неотвратимо стремление человечества утвердить нравственную идею, и всякая тенденция, которая будет противодействовать этому,— неизбежно потерпит поражение.

— А марксизм?

— Нельзя отрицать историческое значение классического марксизма как учения о социальной и экономической справедливости.

...После кровавой оргии 1937 года у нас ругать коммунистов считается признаком хорошего тона. Юные сопляки и великовозрастные пошляки, напившись, взахлеб распевают:

Раз-громим большеви-ков, большеви-ков,
Кра-а-сным нет поща-а-ады.

Россия разлагается. Респектабельный обыватель, хихикая, говорит: «Наше дело — смотреть и удивляться» — и рассказывает пошленькие политические анекдотцы за чашкой кофе. Молодежь все более развращается. Воинственные экстремисты истерично кричат: «Гады большевики!» — совершенно не в состоянии понять, что же, собственно, происходит. Колхозное крестьянство думает: «Може, вот, што и буде, да где там, председатель и все они пьянствуют и жрут, им и дела никакого нет». Поговори с рабочим, и он скажет: «Сами-то они жрут сколько хотят, а мы ишачь на них. Если бы Ленин был, вот тогда, может, что-нибудь и было. Уж хуже нас, наверно, никто не живет». Здесь вторая революция нужна, а так ничего не изменится. Вон на Западе рабочие бастуют. А у нас... Партийный механизм все более превращается в средство достижения личных целей. Один мой знакомый вступил в партию и пошел работать секретарем комсомольской организации, в душе презирая все это, только чтобы поскорее получить квартиру. Я знаю одну машинистку, которая вступила в партию потому, что иначе ее не взяли бы на работу во Внешторг. И таких примеров сколько угодно. Дело доходит до анекдотов, когда член партии, охмелев, подвывает: «Разгромим большевиков, красным нет пощады...» И среди всего этого маразма ни одного трезвого голоса. Никто не хочет подумать, никто не может понять. Я встречал много доморощенных политиканов, которые даже не удосужились определить своего отношения к рабочему классу и крестьянству. Все несут какой-то бред... Любой студентик, в конце концов, после мучительных интеллектуальных усилий, сползает к пошлой фразе, что, мол, народ — эта масса, слепое стадо баранов. А это слепое стадо его учит и кормит. Это слепое стадо, исхлестанное и доведенное до скотоподобного состояния, слепо тычется своей наивной мордой, не в состоянии понять, что же творится вокруг. «Мир полон жестокости»,— говорите вы. Да, полон, но чем сильнее зло, тем желаннее добро, чем сильнее несправедливость, тем сильнее жажда справедливости. Я утверждаю это.

— А я утверждаю, что жаждущий справедливости похож на жаждущего влаги в пустыне. У него трескаются губы и начинаются галлюцинации. Он слышит воображаемый плеск воды и торопится к воображаемому источнику, когда же мираж исчезает, его покидают силы, и он падает.

— Все это вздор! Нет пустыни, но есть пустынные души. И всякая сволочь, задушившая в себе человечность, только собственную вонь объявляет реальностью. Как будто реально существуют только шакалы и змеи, и будто бы свежесть ландыша и тонкий запах розы — мираж. Будто бы люди только калечат, и никто не перевязывает их раны.

— Какие изящные галлюцинации! Люди грызутся, как собаки, и, как собаки, зализывают свои раны. Во всем этом слишком мало гуманизма и слишком много необходимости...

— Так что же делать, Виктор? Жить осталось каких-нибудь пятнадцать тысяч дней... Если жизнь отвратительна, как помойное ведро. Если люди, как рыбы, задыхаются в этом помойном ведре. Может быть, нужно превратиться в лягушку и квакать эти пятнадцать тысяч дней. Или, может быть, стать крысой и ловить полудохлую рыбешку в мутной воде.

Что же делать, Виктор? Я не хочу оплакивать трупики сокровенных желаний. Мне больно смотреть, как люди оплевывают светлого ангела своей чистоты. Зачем мне эти пятнадцать тысяч дней? Чтобы смотреть, как сосед плюет в кастрюлю своего соседа? Ведь можно же жить и иначе. Я верю, что Христос мог пятью хлебами накормить всех, и знаю, что одному паразиту и десяти хлебов будет мало. Нужно быть честным, нужно нести добро. Нужно в него хлебом, даже если он в тебя камнем. Только непременно хлебом, а не сухой заплесневелой коркой. А то может получиться так, что коркой-то много раз хуже, чем камнем. Да еще и удивляются, почему их не благодарят за это...

Есть хлеб и хлеб. Есть хлеб, утоляющий голод, и есть хлеб, убивающий голодного. Есть хлеб, который тверже камня и хуже всякого насилия. Далеко не из всяких рук я возьму хлеб, ибо не всякий хлеб от чистого сердца.

Иные, проповедуя непротивление злу, поучают: если тебя ударили по левой щеке — подставь правую, сами же не понимая того, что они проповедуют и чему поучают...

Тебя ударили по левой щеке — подставь правую, если это поможет остановить зло, но если это только поощряет зло, то не подставляй правую, а лучше подставь палку, чтобы злодей сломал собственную руку. И когда он будет корчиться от боли, обмой рану его и перевяжи руку его. И прибавится у тебя друг, и убавится у тебя враг... Ударишь ли ты перевязывающего рану твою, плюнешь ли ты в родник, из которого пьешь? Думаю, что нет...

— Он в тебя пулей, ты в него булкой. Он в тебя бомбой, ты в него буханкой. Забавно...

— Он в тебя пулей, ты в него автоматной очередью. Он в тебя автоматной очередью, ты в него водородной бомбой. Это уж, конечно, не смешно.

— Это — война. А война — жестокая необходимость.

— Так ли уж необходима мне эта жестокая необходимость?

— Но такова жизнь, такова реальность жизни.

— Я против! Я против такой реальности. Я против, и я тоже реальность.

— Ты реальность, но ты не реалист. Ты, как малое дитя, возмущаешься тем, что жизнь — не рай, а люди — не ангелы. Ты против, ну и что же? Все мы против, и все мы живем в аду.

— А я против и не хочу жить в аду.

— Тогда удавись и, может быть, попадешь в рай.

— Ты считаешь, что это единственный выход из ада?

— Пожалуй. И наверняка это единственный вход в рай.

— Может быть, это и единственный вход в рай, но вряд ли это выход из ада.

— Ты знаешь какой-нибудь другой?

— Да, я знаю этот другой выход. Я знаю, что единственный выход из ада — это непреклонное стремление выйти из него.

— Гениально! Только куда и каким образом?

— Неважно куда, важно уходить из ада.

— И попасть в самое пекло...

— Даже если и так, то особенно важно именно в этом месте постараться не продать душу дьяволу и продолжать свой праведный путь. В былые времена праведники надеялись избежать ада и попасть в рай. Теперь и ад, и рай отменяются, теперь праведники праведно шествуют в неизвестность.

— Теперь и рай, и ад переносятся на землю. Теперь или райская жизнь земных праведников или дьявольская жизнь в земном аду.

— Логично, но люди усомнились в возможности небесного рая, и тем более теперь они не поверят в возможность райской жизни на земле.

— Тогда им пришлось бы жить в земном аду.

— А они, собственно, в нем и живут. Но вам не нравится земной ад, и вы проповедуете праведное шествие в земной рай. Но вам не следовало бы забывать, что люди стремились праведно жить на земле потому, что верили в возможность избавления от страданий на небе. Но поверят ли они в возможность избавления от земных страданий? Никогда! А мучениями в земном аду их не напугаешь. Теперь людям не нужен Бог и не страшен черт. И плевать они хотели на всякую праведность.

— Когда-то люди пугали сами себя адом и обманывали раем, но теперь у них есть возможность...

— Нет у них никакой возможности теперь... Теперь у взрослого человека единственная возможность мучиться, как ты говоришь, 15 тысяч дней на земле и в конце концов подохнуть от инфаркта или рака. Где возможность? Какая возможность?

Тайна счастья, как крепкий орех,
Путь желанья, тернистый и зыбкий,
Обрывается там,
Где в помойном ведре
Задыхаются люди-рыбки...
Невозможно спастись!
Невозможно спасти!
Смерть на личиках тайн сокровенных!
Мозг бессилен,
Бескровны пути,
Перерезанные, как вены.

Наркотик жизни обесценен. Теперь возможности только у наркоманов, в совершенстве владеющих искусством заглушать собственные страдания и подавлять отчаяние и страх... Дайте мне жизнь, в которой я мог бы радоваться восходящему солнцу и свободной птицей петь в зеленой листве девственного леса. Укажите мне путь в эту жизнь, и я пойду с вами. Но вам этот путь неизвестен. Ваши пути бескровны, как перерезанные вены... В помойном ведре задыхаются люди-рыбки... И мозг бессилен что-либо изменить... Невозможно спасти! Невозможно спастись!

— Не надо меня пугать моими же стихами. У меня, между прочим, есть и другие:

Я рвусь сквозь мертвый пласт гудрона
В обитель ливней и лучей.

— Не забудь еще написать о том, что все мы рвемся и всех нас рубят под корень самые обыкновенные дворники. В этом, быть может, есть истина, но я думаю, что бóльшая истина в вине...

— Давай выпьем, и нам нужно бежать.

— А куда? Куда бежать-то? Говорит человек, волнуется грудь его, расправляет он свои огромные крылья и... бежит в подворотню, как общипанная курица... Но, Боже мой, как я устал... Как мучительно нести в себе это кладбище полузарезанных ангелов... Они еще шевелятся во мне... совесть еще не задохнулась в моей темнице... она зовет... Восстань! Восстань и разрушь собственную темницу! Ангелы умирают! Не можешь? Можешь, потому что восстать против себя — значит восстать против всех. Не бойся! Не бойся, глупец, ибо все только и ждут твоего сигнала... Моя кровь кипит, она жжет мои вены. Я жду? Нет, я не жду. Я восстал. Я уже давно восстал. Я уже давно мечом солнечного плодородия отрубаю головы кровавых шакалов. Ни с места! Утонченные паразиты и извращенные подлецы. Ни с места! Или я утоплю вас в океане пшеничного поля. Я засыплю вас лепестками цветущих вишен. Бесчисленные стрелы моих васильков пригвоздят вас к земле.

Режьте, стреляйте, бомбите... разлагайтесь и разлагайте. Вздуются и лопнут гнойники современного маразма. Человечество переболеет болезнью взаимной вражды и выработает необходимый иммунитет. Мы вырвем орудия науки и техники из грязных рук. Вместо каторги труда — нужна мастерская творчества. Люди — ромашки в поле, а не гвозди в заборе. В каждую чашу да положится земляника с молоком — и человек узнает истинный цвет своей кожи... Вы проигрываете в каждой вашей победе. У вас не будет солдат. Победителей не судят, но вы проигрываете в каждой вашей победе, и поэтому победителей судят. Победитель всегда прав, но вы всегда не правы, поэтому победитель всегда не прав. Что вы можете? Взрастить смертоносные грибы водородной бомбы, но кому это нужно, когда в лесу есть настоящие грибы! Мы победим победителей. Мы разбомбим вас обыкновенными пшеничными зернышками. Когда вы думаете, вы хитрите, поэтому вы думаете плохо. Ваши ценности вредные, ваша сила опасна, но мы будем сильнее силы и умнее насилия.

Сережа налил чашку остывшего чая. Подошла Лена.

— Там к тебе ребята пришли. Спустись вниз, Егорыч уже никого не впускает, мы скоро закрываемся... Виктор мне сказал, что наше заведение скоро обанкротится... будто бы ты сегодня съел последний в своей грешной жизни антрекот, а завтра, нарядившись в мешковину, придешь проповедовать вегетарианство посетителям кафе.

— Этого может и не случиться, если он завтра купит ягненка и собственноручно перережет ему горло... Что вздрогнула-то? Испугалась! Вот он тоже струсил.

— У меня дома есть лишние шарики, я как-нибудь их принесу... своих-то у вас, вроде, не хватает...

— Леночка, всем известно, какая ты у нас добрая... с тобой даже расплачиваться можно не сегодня. Между прочим, получка у меня второго числа. Так что я побежал, но завтра я все равно приду.

У входа в кафе Сережу ждали трое парней.

— Старик, ты там застрял, как рыба в корягах. Мы тебя еле вытащили. Этот хрыч рычит, как бульдог... Пошли к Кадику, есть две бутылки...

— Нет, не могу, я Ленку обещал проводить.

— А, брось... сама дойдет. Или во... Мы Петю выделим, он проводит ее до самой кровати. Ну, старик...

— Нет, не могу...

— По-до-зрительно все это! Ну смотри, мы отваливаем... Заходи завтра.

Егорыч стоял у дверей злой, как черт. Сережа знаками попросил открыть дверь.

— Чего тебе? — недовольно проворчал Егорыч, все-таки пропуская его.

Со столика, за которым сидел Сережа, было уже все убрано. Последние посетители расплачивались и уходили. Подошла Лена.

— Меня ребята звали пить. Я не пошел, сказал, что тебя обещал проводить. Я подожду...— неожиданно для самого себя сказал Сережа, и что-то вздрогнуло в нем.

— А я еще деньги не сдавала. Может, принести тебе чего-нибудь?

— Нет, я покурю.

Лена пошла в служебную комнату.

Смутное предчувствие шевельнулось и притаилось в сознании Сережи, оттесненное и придавленное ходом вдруг засуетившихся мыслей: «Надо бы выправить текст... В двенадцать буду дома... даже раньше... часа три поработаю... седьмую страницу нужно переделать совсем...» Предчувствие вновь ожило и зашевелилось. «Нет! Нет! Провожу и сразу же на автобус... Да и вообще... Так уж как-то все вышло...»

Сережа сопротивляется, но... Ноги, и на сгибах, между голубых веночек, что-то таинственное и возбуждающее... Оно врывается неотвратимо. Оно не ведает преград... Оно знает только победу... И борьба возможна только с самим собой. Борьба, когда нельзя победить, но когда можно потерпеть поражение.

Ты идешь и разговариваешь с Леной. На мгновение ты вспоминаешь о Марине, но только на одно мгновение. И твоя совесть смотрит на тебя большими удивленными глазами. «А что, собственно, случилось? Я же...» А большие удивленные глаза твоей совести все смотрят на тебя. «Молчи, мошенник, спрячься за ширмочку собственной наглости и забудься. Не все сразу. Сейчас вот она попросит тебя починить утюг, ведь ты же электрик! и ты согласишься, придешь к ней домой, она покажет тебе неисправный утюг, и утюг окажется действительно неисправным... Молчи, молчи, предатель».

Они вошли в подъезд. Лена долго не могла открыть дверь.

— Попробуй ты... Вот дурацкий замок...

Сережа вставил ключ, потянул дверь на себя и открыл. Они вошли в комнату. Лена включила верхний свет.

— Садись, я сейчас принесу утюг, а то мне нечем мои тряпочки погладить.

И она вышла на кухню.

Сережа чувствовал себя как-то неловко отчасти потому, что еще не успел освоиться, а в основном потому, что все получилось как-то не так...

Лена вернулась, зажгла торшер и погасила люстру. В комнате стало уютнее.

— Ты сними куртку... У тебя вид, как будто ты собираешься бежать. Давай я ее повешу.

Сережа быстро нашел обрыв в шнуре, зачистил концы провода и стал расправлять подсохший кусочек изоляции.

— Ой, Сережа, я так устала. Давай-ка с тобой выпьем. Во коньяк! Сейчас я принесу.

На кухне Лена достала из буфета рюмки, вымыла их; потом она подошла к зеркалу, слегка дотронулась до своих великолепных волос, потом еще коснулась ресниц и, глядя в зеркальце, чуть повернула го-

ловку сначала влево, а потом вправо. Потом она пошла в маленький коридорчик, сняла туфли и надела мягкие тапочки. Ей вдруг захотелось снять свое узкое платье и надеть другое. Оно висело в комнате на ширме. «Нужно пойти и взять, а переодеться можно здесь. А если там? Нет, там нельзя, там он...» И все-таки именно там, где нельзя, где он...

— Сереж, возьми ты бутылку и рюмки, а я сниму это чертово платье. Господи, как оно мне надоело, в нем всегда, как в футляре.

Сережа вышел на кухню, взял было бутылку, потом поставил ее на место. Подошел к умывальнику, потом обратно к столу, потрогал краник газа, потом снова взял бутылку, но не пошел в комнату, а стоял на месте и разглядывал этикетку. Идти в комнату было нельзя. И нельзя именно потому, что там она переодевалась. Лена приоткрыла дверь.

— Сережа, все уже...

Она стояла на пороге, держась одной рукой за ручку распахнутой двери. Проходя мимо, Сережа ощутил близость ее тела. Он почти остановился около нее, хотя ни один человеческий глаз не смог бы этого заметить.

Коньяк был хорош. Они выпили по рюмке, и Лена наливала по второй...

— А вы что, с Виктором поссорились? Я слышала, как вы о чем-то спорили.

— А, ерунда...

— Как у него с Верой?

— Вроде бы скоро женится. И вообще, все мои знакомые что-то переженились.

— А я? Или я отношусь к числу знакомых официанток?

— Ну что ты придираешься? По-моему, тебя нужно выдать замуж, хотя бы в наказание за вредность.

— Это нелегко сделать.

— Ничего, мы постараемся...

— Кому я нужна, тот мне не нужен, а кто мне нужен, тому я не нужна.

— Благородный Гамлет иногда выражал свои мысли именно таким образом. Я что-то ничего не могу понять...

Лена залпом выпила рюмку коньяка.

— Например, я нужна нашему директору, или вот на днях я вдруг понадобилась одному журналисту. Журналист дрянь, а у директора, кажется, вполне серьезные намерения. Это ужасно... Бесконечное множество ожиревших стариков, пошляков, пьяниц, и, в лучшем случае... А впрочем, никаких лучших случаев — все какая-то дрянь и потаскухи в брюках. Я им, может быть, и нужна, но они мне — нет. Я иногда начинаю думать, что действительно обстоятельства сильнее меня.

— Тебе нужно уйти. У вас паршивая публика.

— А ты? Ты тоже бываешь у нас. Мне нужен ты. Что глаза-то опустил? Вот сейчас повисну у тебя на шее. Интересно, что ты будешь делать? Просто вырвешься или вырвешься как-нибудь иначе... и правильно сделаешь. Что я тебе... Вот я дважды спрашивала, о чем вы с Виктором разговаривали, а ты дважды отмахнулся, как от мухи. И ты прав. Я это сама чувствую.

Лена мгновенно оказалась около Сережи, обняла его.

— Сереженька, милый...— взволнованно шептала она. Она всем телом прижалась к нему. Ее трясло как в лихорадке.

— Леночка, не надо, милая, ну что ты?

Сережа быстро опустился на пол, взял ее за плечи и прижался щекой к ее волосам, но она повернула голову, и ее горячие губы коснулись его щеки. Машинально он отстранился, потом, как бы опомнившись, снова прижался щекой к ее головке. Она сразу же как-то обмякла, ее тело сделалось тяжелым, она закрыла лицо руками и зарыдала.

— Леночка, что ты... не надо... Лена, встань...

— Оставь...

— Встань, Лена, милая, пожалуйста...

— Иди к черту... зачем ты сюда пришел? Пусть я этого хотела. А ты? Ты тоже хотел, я все видела... пусть я — баба, а ты?.. Ты хороший, милый... Все это ложь! Лучше прямо...

Она неожиданно быстро сняла платье и стала рвать на себе нижнее белье, потом бросилась на тахту и закрылась пледом.

— Уйди,— сквозь слезы попросила она.

Сережа ушел. Он был сам себе противен. Он чувствовал себя уставшим, потрепанным и грязным. Ему хотелось поскорее прийти домой, сбросить с себя вместе с бельем всю эту скомканность и потрепанность чувств и вымыться чисто-чисто.

— Извини, приятель, у тебя спичечки не будет?

Сережа достал спички. Прохожий прикурил.

— Спасибо.

Сережа что-то хрюкнул в ответ и, сгорбившись, быстро пошел дальше.

Она, может быть, душу хотела отогреть около меня. Она действовала по-женски, истерично, с надрывом, но не в этом главное. Главное-то в том, что ей человечность моя нужна была. Но там, где должен был быть человек, оказался предатель, мошенник, дрянь... Ведь предал же я Марину. В удовольствии себе не смог отказать, флиртануть изволил, а ведь завтра, как будто бы ничего не случилось, будто бы я и не предал вовсе, приду к Марине, буду хорошим и даже нежным. Ну, а что, если как раз в тот момент, когда я предал ее, Марина, в споре с кем-нибудь, голову дала на отсечение в подтверждение того, что я никогда и ни при каких обстоятельствах ее не предам. Проспорила бы она голову-то! Вот ведь в чем дело... Но, может быть, верить-то никому не нужно и даже нельзя. Может быть, наоборот, нужно не доверять? Может быть, любовь другой стороны, на всякий случай, иметь. Игра-то ведь стоит свеч. Ведь голову иногда можно проспорить. Или, еще хуже, скажут: «Вот видишь, никому нельзя верить, известное дело, но мы-то, мол, разбираемся что к чему, нас-то голыми руками не возьмешь, мы всегда готовы и обманывать и быть обманутыми». Скажут вот так — и возразить будет нечего, и даже может показаться, что правильно люди говорят, а это уж совсем плохо.

Начала болеть печень, а может быть, и не печень. Сережа совсем сгорбился, прошел несколько шагов и прислонился к дереву. Раздирающая боль все сильнее вонзала свои когти. На мгновение боль затихла, потом когти вонзились с новой силой, раздирая внутренности. Все существо его напряглось, он съежился. Боль скрутила его как веревку. Когда она немного утихла, он пошел дальше, неся в себе этот раздирающий тело кошмар. Ему хотелось взять большой нож, распороть себе живот, вырезать и выбросить вместе с болью всю гадость внутренностей. Сережа тихо стонал. Он сдерживал себя.

Идти оставалось немного. Сережа шел все быстрее и быстрее. Он хотел поскорее прийти домой. Он почти вбежал в подъезд, дрожащими руками открыл дверь, прошел в комнату, зажег настольную лампу и

рухнул на тахту. Не сдерживая себя более, он стонал громко и даже преувеличенно громко, и от этого ему было легче.

Примерно через полчаса Сережа вышел на кухню, чтобы согреть воды для грелки. Он зажег все четыре газовые конфорки. Четыре синеватых цветка зашумели и взволновались своими маленькими лепестками. Сережа расстегнул рубашку и, потирая живот, приблизился к плите. Успокоительное тепло растеклось по всему телу. Боль утихала. Наконец закипел чайник, но грелка была уже не нужна.

Он пошел в комнату и сел за письменный стол. Перед ним лежала папка с рукописью, но он даже не открыл ее. Он убрал рукопись в ящик письменного стола и взял книгу, но и книгу отложил в сторону.

Обыкновенно читал и писал Сережа ночью. И когда случалось, что он приходил вечером пьяный, садился за письменный стол и начинал писать, но писать не мог, пробовал читать, но и читать не мог, он очень злился на себя.

Он старался не пить, он отказывался пить, особенно к вечеру, ибо знал, что ночью, в пьяном дурмане, он не услышит фиолетового звона лесного колокольчика, а утром... разольется вдоль улиц стремительный первый поток прохожих, и люди устремятся куда-то, наступая друг другу на пятки. Сильные будут бить по морде слабых, хитрые будут обманывать глупых, кто-то зарежет кого-то, кто-то умрет от голода, кто-то умрет от обжорства: мир будет паразитировать, как отвратительный клубок пиявок, сосущих друг друга, где выигрывает тот, у кого наиболее натренированы сосательные способности.

И некому будет задать людям простой и ясный вопрос: стоит ли быть мерзавцем ради того, чтобы за утренним чаем вместо обыкновенного куска хлеба съедать обыкновенную булочку с кремом?

1959—60 гг.

Публикация
Елены ГАЛАНСКОВОЙ-ШМАТОВИЧ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Александр Ястребов

«ТЕАТРАЛЬНАЯ ГВАРДИЯ», ИЛИ ПРОИСШЕСТВИЕ В МАЛОМ...

Эта курьезная история произошла в Москве в самый разгар октябрьско-ноябрьского переворота 1917 года — дни ожесточенных боев красногвардейцев с юнкерами в районе гостиницы «Метрополь».

После капитуляции контрреволюционных сил злополучный инцидент, перекочевав на страницы газет, на некоторое время стал предметом насмешек и пересудов.

Десятилетиями события, происходившие тогда в Петрограде, Москве, по всей России, преподносились потомкам в основном в виде жестко регламентированных описаний героизма, доблестных побед и т. д., негативные же явления квалифицировались как вымыслы враждебных элементов.

Но факт «охраны» Малого театра в те дни неким вооруженным отрядом был, и это подтверждают документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР.

9 ноября 1917 года газета «Московский листок» опубликовала заметку следующего содержания:

«Со вчерашнего дня начала налаживаться в Москве жизнь театральная. Вчера возобновились спектакли в театрах: Корша, Драматическом, Зона. Открылся также целый ряд театров типа «Миниатюр».

Открытие государственных театров несколько затормозилось. Пронесшаяся над Москвой буря гражданской войны на них оставила следы.

С внешней стороны и Большой и Малый театры пострадали мало. Есть, правда, следы от пуль и снарядов — но это не так значительно. Больше пострадали государственные театры внутри.

В Большом театре большие опустошения в гардеробной. Пока еще не установлено, сколько вещей похищено.

В Малом театре разгромлено несколько уборных, взломаны столы артистов. Похищено также много костюмов.

Но все-таки нормальная жизнь государственных театров через несколько дней войдет, надо думать, в свою колею».

Это извещение и порадовало, и насторожило московских театралов. Если смысл его первой части был ясен всем, то конец интриговал — мало кто из москвичей был посвящен в тайну загадочных событий, произошедших в храмах искусств.

Битва за центр первопрестольной была в разгаре. Улицы ощетинивались баррикадами, опоясывались окопами. Шаг за шагом красногвардейцы, преодолевая отчаянное сопротивление противника, занимали стратегически важные объекты.

Утром 29 октября в результате активизации боевых действий были взяты Большой и Малый театры. К вечеру 31 октября наступающим почти удалось сомкнуть кольцо вокруг Кремля. Одним из последних бастионов контрреволюции на подступах к нему стал «Метрополь», где завязалось кровопролитное сражение. В ход была пущена артиллерия, которая почти два часа обстреливала здание. И обессиленный гарнизон «Метрополя» замолчал. Наступило время последней атаки. К этому моменту из городского района пришло подкрепление — революционные солдаты-двинцы. Подмога внесла уверенность в скорую победу. Подбадривая друг друга, бойцы шутили: «Идем обедать в «Метрополь». И ни одна из противоборствующих сторон не догадывалась, что... по соседству, в Малом театре, игнорируя классовое кровопролитие, группа «пацифистов» организовала самый настоящий бал-маскарад.

Предоставим слово «Русским ведомостям», корреспондент которых взял на себя нелегкий труд реконструировать происходившее там буйство. Доверимся ему, тем более что описанное им в основном подтверждается архивными материалами:

«Кругом грохотали пушки, барабанили пулеметы, со звоном падали на тротуар стекла из «Метрополя», осыпались кирпичи из дома общенародной Думы, где-то подальше зажигались пожары.

Убежденные пацифисты этим не смущались и решили устроить веселый пикник и разыграть под сенью дома Щепкина водевиль. Источник остается неизвестен, может быть, то были подвалы того же «Метрополя», но появилось вино, ликеры. Появились дамы. В бутафорской театра сыскались гитары и мандолины. Карнавал наладился велико-

лепно. Не хватало подходящих костюмов. Но их очень скоро нашли в актерских уборных. Дамы поскидали свои старые одеяния и нарядились в богатые платья, шляпки, шелковые чулки и туфли актрис; мужчины переоделись во фраки Чацких и Репетиловых. Веселье разгоралось, фантазия веселых водевилистов играла. Нашли носы, парики, накладные бороды. И это было использовано вовсю. Маскарад по всей форме. Широкая масленица. Пили, пели, танцевали. Салютовали из ружей. Для вящей потехи брали в штыки бюст Пушкина, сбили ему нос. Напотешившись, завалились спать. И не будил их, уставших от веселого карнавала, грохот пушек, щелканье винтовок.

Веселье продолжалось несколько дней. Говорят, раз к весельчакам пришли другие полуштатские с оружием, хотели укротить, очистить храм искусства. Но веселье заразительно, вино и ликеры — прельстительны. И защитники храма искусства скоро поддались искушению и слились с первыми водевилистами. И только когда кончилась война, когда замолчали пушки, в разоренный дом артисты привели октябрьское начальство — полюбоваться, водевильные герои согласились оставить свой пост. На память о себе они оставили свое прежнее одеяние, паспорта, пустые бутылки, оборванную обивку мебели, расшвыренную бутафорию и еще более «выразительные» следы своего бесчинства».

Во всех деталях неожиданно вспыхнувшее веселье, к сожалению, восстановить уже нельзя. Кем и по приказу кого был захвачен сей важный стратегический пункт, сегодня установить тоже сложно. Ясно одно, что, очутившись среди старорежимного великолепия, доблестные участники «штурма» театру военных действий предпочли другой театр.

6 и 7 ноября комиссия работников театра произвела осмотр помещений, в ходе которого было установлено, «что солдатами и Красной гвардией, самовольно занявшими названные помещения во время октябрьско-ноябрьских событий, произведены нижеследующие повреждения и разграблено казенное и принадлежащее г.г. артистам и служащим имущество:

1. Обе двери помещения кассы открыты подобранными ключами, из несгораемого шкафа вынуты все шкатулки с деньгами, которые похищены; самый же шкаф заперт и ключ унесен; в числе этих денег были деньги, принадлежавшие кассиршам; взломаны все ящики у столов и похищены и разбросаны всякие деловые бумаги, кои установить не представляется возможным; в помещении касс оставлены принадлежащие Малому театру бутафорские вещи (костюмы) со штемпелями, а также штаны и пиджак, очевидно принадлежавшие «красногвардейцу».

2. В кабинете смотрителя здания взломан письменный стол, со взломом ящиков; по полу разбросаны деловые бумаги и документы, кои установить не представляется возможным; дверь в эту комнату была открыта подобранным ключом; от настольной электрической лампы разбит колпак и лампочка.

3. В телефонной будке оторвана трубка со шнуром, самая же будка превращена в клозет.

4. В комнате дежурного врача у двери выломан внутренний замок, открыты и повреждены письменный стол и аптечные шкафчики, похищены медикаменты и принадлежности к ним, некоторые вещи поломаны.

5. В буфете разгромлено все имущество, принадлежавшее содержателю кафе и буфетов в Малом театре И. В. Антошину, всюду валяются бутылки из-под вина, коробки консервов и прочее.

6. У двери в кладовую негодных вещей взломан внутренний замок,

РОССІЙСКАЯ
Совѣтская Федеративная Республика
КОМИССАРІАТЪ
Имуществъ Россійской Республики
МОСКВА,
Б. Дмитровка, 8.
Тел. 33-03 и 7-94

«5» сентября 1918 г.
№ 281

18

Въ Народный Комиссаріатъ

Государственнаго Контроля.

Во время Октябрьско-Ноябрьскихъ событій 1917г. было расхищено имущество, принадлежащее Госуд... ...ному Государственному Московскому Малому театру и артистамъ этого театра, причемъ, какъ заявлено Комиссіей, производившей осмотръ помѣщеній театра и нѣкоторыми артистами, имущество это было разграблено солдатами и красной гвардіей, посланными для охраны.

оставлены порванные штаны, портянки; оставлена масса разбитых бутылок от выпитых вин и коробок от консервов.

7. В комнате (бывшая библиотека), похищены три фотографические карточки артистов, отбита часть носа от бюста поэта Пушкина, а на лбу имеется след от пули, взломан висячий замок от конторки, похищены три чехла от мягких кресел, повреждено одно кресло.

...

14. В ложе Комиссара Временного правительства оставлены порванные штаны.

...

20. На новой актерской лестнице разбито 17 оконных стекол.

...

23. В уборной заслуженного артиста А. И. Южина разбит бюст В. Гюго (вероятно, его уничтожили, приняв за классового врага.— А. Я.), из стола вынуты деловые бумаги и в беспорядке разбросаны по полу.

...

Одной из первых от московской общественности на месте учиненного безобразия побывала делегация от Товарищества Московского Художественного театра во главе с К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко, которую встретила вся труппа. Экскурсия по «местам боевой славы» привела посетителей в шоковое состояние.

Общее негодование и боль выразил в своем письме на имя управляющего Малым театром А. И. Южина К. С. Станиславский:

«Дорогой Александр Иванович!

Только вчера вечером узнал... ужасные подробности святотатства, произошедшего в Малом театре. Я испытывал тоску и злобу, точно изнасиловали мою мать, точно оскорбили память дорогого Михаила Семе-

новича (Щепкина.— А. Я.). Хочется сказать вам много теплых слов. Но к счастью, стихийное безумство не может оскорбить искусство и его славных представителей. С вами культурная Россия. В несчастье она вас любит и ценит еще глубже, чем в счастье. Дай Бог вам сил поскорее забыть ужасный кошмар, чтобы с удвоенной энергией продолжать отлично начатую работу этого сезона...»

Разбирательство длилось почти год (с 12 ноября 1917 года по 13 сентября 1918 г.). Артисты Малого театра требовали по справедливости возместить причиненные революцией убытки, но к этому времени уже успело народиться первое поколение бюрократов, препятствовавших удовлетворению этого естественного желания пострадавших.

Последним актом трагикомедии можно назвать заседание Комиссии по вопросу восстановления повреждений и расхищенного имущества в Малом театре во время октябрьско-ноябрьских событий 1917 года, которое состоялось 29 июля 1918 г.

Протокол гласил:

«Присутствовали:

представители Комиссариата имуществ Республики М. К. Романовский и С. Я. Гурьев, представитель Государственного контроля В. Н. Журавлев, представители Малого театра: О. А. Правдин, С. А. Головин, Н. А. Василевский.

Заслушано:

1. Заключение Правового отдела по настоящему делу. Правовой отдел не находит оснований к возмещению убытков пострадавших, т. к. данный случай им приравнивается к народному бедствию.

2. Сообщение О. А. Правдина, как живого свидетеля той обстановки, при коей им и А. И. Южиным были найдены помещения театра во время октябрьско-ноябрьских событий; О. А. Правдин находит, что артисты пострадали не от народного бедствия, а от правительственных агентов (красногвардейская армия), посланных правительством охранять имущество театра и артистов и занявшихся разгромом этого имущества, ибо следственная комиссия Кольчугинской фабрики, из рабочих которых состоял последний отряд, приезжала неоднократно в Москву и возвращала похищенные вещи театра и артистов.

3. Заявление С. А. Головина, что по его мнению принадлежащие артистам платье, грим и мелкие бутафорские вещи составляют орудия их профессий.

По обмене мнений Председателем Комиссии предложено:

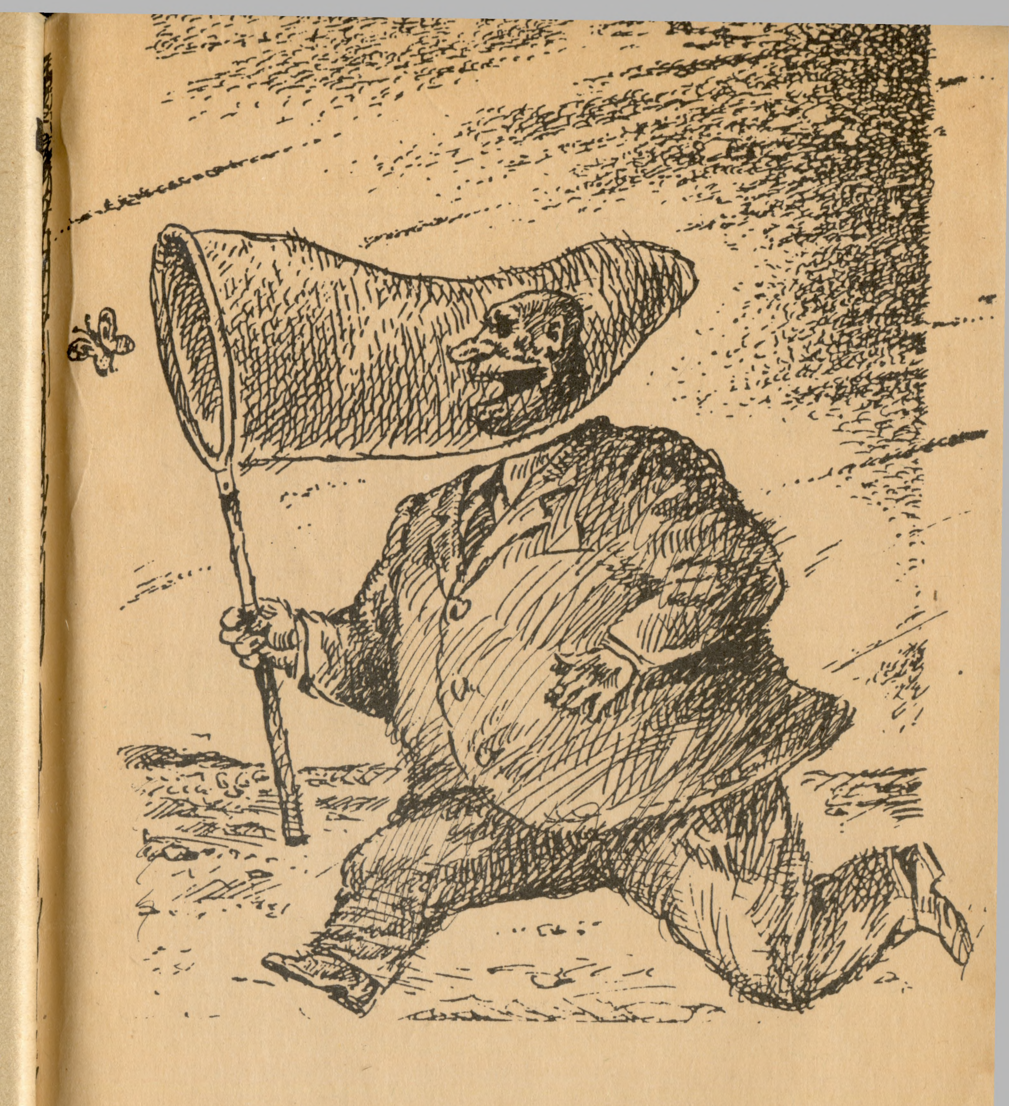
а) доставить список пострадавших лиц с указанием расхищенного имущества служебного характера, просмотренный и удостоверенный подкомиссией, как в количестве, так и в оценке каждой вещи;

б) просить Комиссариат внутренних дел и Комиссариат по военным делам подтвердить, что имущество расхищено красногвардейцами, на которых была возложена обязанность охранять имущество государственных театров.

Просить дать заключение Комиссариата юстиции и Государственного контроля по принципиальному вопросу о возмещении этого имущества;

в) запросить через профессиональный союз, Комиссариат труда, являются ли вещи, приведенные в списках, орудием производства, а потому и должны охраняться Государственными театрами.

4. По выяснении всех обстоятельств внести кредит в смету 2-го полугодия 1918 года...»

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 7 «ГОРИЗОНТА»:

По горизонтали: 5. Кулик. 10. Генуя. 11. Водоросль. 12. Конус. 14. Аракс. 15. Строительство. 18. Блантер. 21. Белорус. 22. Заходер. 23. Холст. 24. Запев. 25. Отворот. 26. Наказ. 27. Пикап. 28. Волопас. 30. Простор. 31. Лопахин. 35. Мировоззрение. 38. «Батый». 39. Ярлык. 40. Гигрометр. 41. Штиль. 42. Нация.

По вертикали: 1. «Кубок». 2. Синус. 3. Шевро. 4. Кушка. 6. Полонез. 7. Аорта. 8. Сопло. 9. Глиссер. 13. Станиславский. 14. Автоматизация. 16. Клеопатра. 17. Нумерация. 19. Раствор. 20. «Колокол». 21. Белотал. 28. Волошин. 29. Совесть. 32. Домра. 33. Озимь. 34. Тахта. 35. «Мысль». 36. «Ермак». 37. Пыжик.